

...Несчастливого раба влекут насильно,
Терзают целым рядом страшных пыток,
Что могут самых смелых ужаснуть,
И требуют потом, чтоб он ответил
Не так, как говорит его душа,
А так, как палачи ему диктуют,
Вопросами ответ ему внушая:
И это под угрозой новых мук,
Таких, каких не знают в бездне Ада...

Перси Биши Шелли. Ченчи

ГЛАВА 1

Инопланетяне или нечистая сила?

Творить чудеса – прерогатива Господа Бога, однако странные, необъяснимо-загадочные происшествия, потрясшие жителей Козлодоевска, были явно не делом рук всемогущего Всевышнего. Многие козлодоевцы сходились во мнении, что до неприличия безобразные проделки, взбудоражившие в те февральские дни тихий провинциальный городок, устроили двое не то фокусников-артистов, не то проходимцев-гипнотизёров, гастролировавших по стране. Этих двоих – хромого, ху-

¹ Предлагаемый вниманию читателей мистический роман «Слуги Люцифера» – своеобразный «роман в романе», в котором переплетены два сюжета: злключения коррупционеров-взяточников в безвестном провинциальном Козлодоевске и жизнь философа-астронома эпохи Возрождения великого Джордано Бруно. Как связаны в романе истории козлодоевских чиновников, депутатов, бизнесменов, работников силовых ведомств, журналистов, отдавших свою совесть на откуп Люциферу-Сатане, а также приключения главного героя романа журналиста Савелия Редькина и жизнь гениально-го мыслителя Джордано Бруно, читателю станет ясно после прочтения книги.

дого, лысоватого, в очках мужчину средних лет и девушку с ногами фотомодели и лицом стюардессы международных авиалиний, с вороной на плече – видели вместе во многих общественных местах, где непременно случались забавные курьёзы и доходящие до абсурда скверные истории.

Некоторые люди утверждали, что мужчина был одет в синий спортивный костюм и обут в белые кроссовки фирмы «Адидас». Иные же, напротив, уверяли, что видели его в чёрном пиджаке, в белой сорочке и с галстуком-«бабочкой». Курчавые рыжие волосы над узким лбом у него были закручены в виде пары коротких рожек. Скуластое, веснучато-красное лицо обрамляли рыжие завитки. Торчащая клином жидкая бородёнка удлиняла и без того вытянутое лицо инвалида, напоминавшее морду козла. Крючковатый нос под густыми седыми бровями и красноватые глаза придавали сходство с карикатурным образом из комиксов, с кем-то из литературных героев, но кого – сразу не вспомнишь. Опирался калека на трость с золотым набалдашником. На волосатых пальцах с длинными лакированными ногтями сверкали золотые перстни с крупными рубинами. Пожалуй, ничего особенного в облике господина в «адидасе» или в пиджаке не было, если бы не бросившийся в глаза восьмиконечный орден, сверкавший у него на груди. Смуглая элегантная дама с чёрными тонкими бровями и алыми губами, повсюду сопровождавшая своего хромого, непривлекательного спутника, отличалась от него стройной фигурой и броской внешностью. Чёрная мини-юбка, чёрная блузка с вышитой на ней золотой фиалкой, чёрные лакированные туфли на высоких и тонких шпильках, украшенные золотыми застёжками и блестящими драгоценными камешками, составляли предвечерний наряд красавицы. Несмотря на холодный, жгучий ветерок и лёгкий морозец, она выходила из роскошного «Бентли» без тёплой накидки или пальто. Уши, шею, пальцы и запястья модницы украшали бриллиантовые серьги, кольцо, кольца и браслеты, вспыхивающие на свету радужными отблесками. Чёрные, блестящие волосы волнистыми локонами свисали на спину и плечи прелестницы. Опять же, находились свидетели и другого её наряда: длинного платья и горжетки из чёрно-бурой лисы, наброшенной на оголённые плечи. Со сбивчивых слов очевидцев можно заключить, что непременным атрибутом девушки была говорящая ворона, сидящая на её плече. Вцепившись когтями в мех горжетки или в шёлк блузки, птица вертела головой, хлопала крыльями и, сверкая жёлтыми глазами, с карканьем выкрикивала:

– Карр-пра-ул... Чёрр-т по-берри... карр-ты... Каррамба...

В левой руке девушка носила «дипломат» – кожаный чёрный чемоданчик-кейс. Богатыми нарядами и дорогими украшениями козлодоевцев не удивишь. Достаточно насмотрелись на богачей по телевизору. Каждый день с экрана мелькают сытые, зажравшиеся физиономии чиновников-коррупционеров, обвиняемых во взяточничестве, подлоге, мошенничестве, хищении, заказных убийствах и прочих грешных делах. Никто не обратил бы внимания на сутулого мужчину, ковылявшего рядом со стройной красавицей, если бы у них не сыпались искры из глаз, или во всяком случае так многим казалось. Да если бы ещё не говорящая ворона... Удивлённые зеленоватыми вспышками в глазах инвалида и его спутницы с вороной на плече, встречные прохожие невольно жмурились, но, снова взглянув на странную парочку, уже не находили в их взглядах ничего необычного и недомётно тёрли свои глаза. «Почудится же такое», – думали они. Некоторые очевидцы замечали, что искры поблёскивали и в злых глазах вороны. Скоро выяснялось, что не только им показалось, будто вспыхивали глаза у каких-то незнакомых людей и у вороны. Находились свидетели, доказывавшие: «Вдруг в глазах у них зажглись маленькие лампочки... А из глаз вороны посыпались искры... Вот не сойти мне с этого места, если вру...» Разумеется, никто таким, с позволения сказать, свидетелям не верил. Прикасались к их разгорячённым лбам, советовали лечиться в психбольнице и всё в таком роде. Отвечали одним словом: «Враньё!» Слухи о необыкновенных пришельцах разносились по городу и далеко за его пределами, привлекая в Козлодоевск уфологов, не сомневавшихся, что город навести инопланетяне, разумные существа с других галактик. Никто, однако, не мог вторично увидеть хромого мужчину во фраке или в спортивном костюме с тростью из санталового дерева и его миловидную даму с фиалкой на блузке, с кейсом в руке и с вороной на плече. Их чёрный «Bentley» с тонированными стёклами появлялся всегда неожиданно где-нибудь у парадного крыльца мэрии, возле здания суда и прокуратуры, у супермаркета. Эти двое не торопясь выходили из автомобиля и быстро терялись в толчее посетителей и служащих, бесследно растворялись в потоке многочисленных покупателей. Кто-то успевал перехватить огненный взгляд, рвался назад, навстречу толпе, чтобы увидеть чудо ещё раз, но это никому не удавалось. Зеваки с восторгом взирали на породистого

бультерьера в очках, в зелёном бархатном зипуне и белой морской фуражке с якорем, с курительной трубкой в зубах, важно восседавшего за рулём роскошного автомобиля. Никому и в голову не могло прийти, что пёс управлял автомобилем. Все воспринимали его как охранника. Необычная сцена длилась не более минуты. «Бэнтли» исчезал, словно его здесь никогда и не было вовсе.

– Странно... Только что был здесь, – в недоумении говорил кто-нибудь своему приятелю, желая показать тому престижный автомобиль класса «люкс». – Не пойму, куда делся... Черти его с квасом съели, что ли? Бультерьер был на водительском сиденье... Когда и кто сел в машину? Не собака же, в конце концов, уехала на ней...

Козлодоевцы со смехом рассказывали друг другу анекдотические случаи из жизни руководителей, предпринимателей и прочих представительных граждан города, о которых ходила недобрая молва взяточников и жуликов. Обмениваясь новостями, люди восклицали:

– А ты слышал, гаишники на трассе без штанов стояли?

– Да ну?! Они что, того? Умом тронулись от взяток?

– Говорят, они все враз обделались... В кусты бегали... Штаны снимали и потом не могли их найти...

– Это что! Вот начальник комбината бытового обслуживания и благоустройства отмочил номер! Залез на крышу девятиэтажного дома и оттуда громко кричал, сколько денег украл... Признался, что два миллиона замылил на ремонте дорог... Даже охрип бедолага... Весь день орал про свои махинации... Полиция еле стащила его с крыши...

– Ой, а в суде что творилось! Умора! Судили там начальника автобусного автопарка... Ну, этого... Колёсикова... Который сорок миллионов прикарманил... Прокурор, адвокат, судья и следователь принародно, в зале суда устроили драку из-за денег... Не поделили взятку, которую им дал начальник автобусного автопарка... Приставы их кое-как растащили...

– Что творится в последнее время в городе! Что творится! Уму непостижимо!

– Это дело рук гипнотизёров! Говорят, они по заданию ФСБ работают... Разоблачают чиновников...

– А вдруг это и вправду инопланетяне прикалываются?

– Да нет... Скорее, нечистая сила забавляется, выставляет напоказ наших градоначальников, мелкие их душонки наизнанку выворачивает, чтоб неповадно воровать было...

Трудно сказать, какая из этих версий более правдоподобная. Остаётся предположить, что сатанинское отродье, возбуждая низменные желания козлодоевских чиновников, легко поддавшихся соблазну Сатаны, вволю тешилось их глупыми выходками и мерзкими поступками. Конечно, это всего лишь предположение... К сожалению или, может, совсем наоборот, нам не довелось видеть всего происходящего своими глазами. Мы не смеем утверждать, так ли всё происходило на самом деле. Так, что остаётся лишь верить или не верить на слово очевидцам, в памяти которых свежи многие подробности всего происшедшего. Жители хорошо запомнили многие факты февральских событий, сравнимых, по их неоспоримому мнению, разве что лишь с падением на Челябинск метеорита, вызвавшего переполох во всём мире. Мы полагаемся на правдивые рассказы свидетелей, в основном иногородних граждан, случайно оказавшихся в Козлодоевске по своей надобности в то самое время, когда там совершались самые невероятные вещи. Не доверять очевидцам нет причин. Их не заподозришь в корысти или какой-либо выгоде от сообщения. Расходясь лишь в незначительных фактах, почти в один голос они подтверждали:

– Да, верно... Депутаты горсовета ни с того ни с сего вдруг начали хором петь блатную песню про Мурку в кожаной тужурке... А ещё выступающий с трибуны оратор крыл отборными матерными словами народных избранников, собравшихся в зале заседаний... Снял штаны, наклонился и похлопал себя по голому заду, после чего принялся маршировать на сцене, командуя сам себе: «Ать-два, ать-два...» Много ещё чего порассказали свидетели происшедшего, у которых в полном смысле глаза лезли на лоб от увиденного и услышанного в Козлодоевске.

– Нам казалось – весь город сошёл с ума... Там такое творилось, – говорили одни.

– Вы только подумайте! Они ходили по улицам нагишом, как нудисты, – вторили им другие.

– А что творилось в ресторане «Виола», выдуманном в фельетоне! Кошмар!

Выслушав очевидцев, мы пришли к заключению, что тайные желания, до сих пор скрываемые козлодоевскими чиновниками-взяточниками, важными представителями общественности, ведомств

и фирм, помимо их воли, разом выплеснулись наружу, открылись на потеху лукавому Люциферу, более известному в народе как Сатана. В городской газете «Бизнес-Козл» был напечатан фельетон «В гостях у Сатаны» за подписью редактора Агафонова. Каким-то невероятным, никем и ничем не объяснимым образом фельетон оказался напечатанным на первой странице еженедельника. Агафонов и другие сотрудники редакции напрочь отрицали свою причастность к вышеупомянутому творению. Неизвестный автор изобразил мздоимцев хвостатыми, рогатыми, копытными уродцами, косматыми, со свинячьими рылами и собачьими мордами, устроивших оргию в мистическом ресторане «Виола». А началось всё в челябинском отеле «Яхонт». И вот как всё было...

ГЛАВА 2

Ужин при свечах

Осколки метеорита, взорвавшегося в небе над Челябинском 15 февраля 2013 года, барабанили по крышам домов, разлетались далеко вокруг. Взрывная волна выбила стёкла в окнах зданий, разрушила несколько строений, снесла рекламные щиты, повалила, вывернув с корнями, старые деревья, перевернула с десяток автомобилей, оглушила людей, животных и птиц. Пострадало много мирных жителей славного города-труженика. Побитые камнями, порезанные стёклами, напуганные челябинцы переполнили больницы. Они терялись в догадках о причинах катастрофы. Увидев высоко над головой яркую вспышку и огненно-дымные полосы, иные подумали, что взорвался самолёт. Другим пришла на ум страшная мысль о начале ядерной войны. Более сведущие обвинили наших доблестных вояк в неудачном запуске баллистической ракеты, сбившейся с курса. Вскоре из озера Чебаркуль достали большой кусок оплавленного космического тела, прилетевшего на Землю из бесконечной Вселенной. Посланника из космоса тотчас окрестили «Чебаркульским метеоритом». Сомнения развеялись, и само собой, никому и в голову не могло прийти, что виновником апокалипсиса областного масштаба явился Надыбайлов Денис Иванович, старший следователь по особо важным делам из города Козлодоевска, затерянного на необъятных российских просторах. Благодушный с виду, тихий, скромный «одуванчик» с округлившимся брюшком, не чурающийся мзды от подозреваемых в совершении преступлений и прочих нарушителей правопорядка, Денис Иванович Надыбайлов имел вполне пристойный вид сытого, розовощёкого человека, жизнь которого удалась.

По возвращении из командировки в Челябинск, благоразумно замалчивая некоторые детали этой поездки, Денис Иванович с упоением рассказывал прокурору Недоносову, как он призвал Сатану и всех чертей обрушиться камнепадом на обидевший его город. И как чёрт рогатый услышал его проклятия и не замедлил напустить на Челябинск нечистую силу. Со слов ретивого слуги Фемиды выходило, что никто другой, как он сам возмутил Сатану и его скотоподобных приспешников, забросавших Челябинск камнями с неба. Справедливости ради заметим, что капитан полиции господин Надыбайлов причастным к происшествию вселенского масштаба никоим образом себя не считал. Однако, опять же, правды ради, не станем скрывать, что Денис Иванович был крайне удивлён столь быстрым осуществлением его скверных пожеланий челябинцам. И хотя в душе он, конечно, порадовался камням, упавшим на них с небес, виноватым в случившемся признать себя не мог. Дело в том, что накануне метеоритного дождя, а именно 14 февраля вечером, Надыбайлов, сотрудник козлодоевского следственного комитета, находясь в Челябинске в служебной командировке, вернулся в отель «Яхонт» в отличном расположении духа и в прекрасном состоянии тела. Левый внутренний карман пиджака, приятно утяжелённый бумажником, настраивал Дениса Ивановича на лирический лад. В портмоне из кожи кобры, купленном в Таиланде, лежали пять тысяч долларов. Насвистывая мотив песенки об отважном капитане, ни разу даже глазом не моргнувшем, Надыбайлов на полном основании рассчитывал вновь провести отпуск с любовницей в сказочном королевстве Юго-Восточной Азии. Деньги правозащитник получил от влиятельного челябинского бизнесмена Тарантулова, чиновника областной махины, то бишь администрации. Его неблагополучный сынок связался с шайкой рок-музыкантов-наркоманов – группой «Бесь», гордо именовавших себя «сатанистами», играющими в стиле блэк-метал. Волосатые, грязные отморозки с лицами, изукрашенными под оскалённые человеческие черепа, с видом блуждающих мертвецов шатались с гитарами и дудками по городам и весям со своими дикими концертами. В Козлодоевске в канун

Рождества Христова приезжие из Челябинска «артисты», находясь в нетрезвом виде, жестоко избили молодого священника, назвавшего их бесноватое выступление на сцене исчадием ада, противным Господу злом.

– Мы – демоны, падшие ангелы, слуги Сатаны! Мы пожиратели тел павших врагов... Твой Христос – слабак! Никто не выполняет Его заповеди, – пиная священника, юродствовали «сатанисты». – Все люди служат лукавому... Каждый хочет сотворить зло, но скрывает это от других... Не страх перед Богом, а боязнь оказаться за тюремной решёткой удерживает человека от желания согрешить: украсть, убить, обмануть, предать, изнасиловать... Понял, ты, халдей в сутане и с крестом на шее? Наезжаешь на уши верующим в Бога придуркам... Вот тебе! Получай! Где твой Христос? Пусть по-может тебе! А мы – упыри, вампиры, сатанисты, оборотни – не боимся Его!

– Вы не сатанисты... Не упыри... Не вампиры... Вы – обыкновенные фашисты... Мразь нечестивая... Предстанете перед Страшным Судом... Там и ответите Ему, – получая удары по рёбрам, прохрипел священник, теряя сознание.

Жестоко избитого иерея с тяжелейшими травмами привезли в больницу. Следователь по особо важным делам Надыбайлов без труда установил иногородних хулиганов-молодчиков, ряженных вурдалаками, ожившими мертвецами. Необходимость допроса подозреваемых по делу о нанесении тяжких телесных повреждений служителю церкви, причинивших вред его здоровью, привела блюстителя законности в Челябинск. После встречи Надыбайлова с моральными уродами и беседы с отцом одного из них рок-музыканты группы «Бесы» из подозреваемых превратились в свидетелей избиения священника «неизвестными». Роль волшебной палочки, как легко догадаться, сослужили пять тысяч «зелёных». «Свидетельские» показания мерзопакостных уродов из Челябинска Денис Иванович решил, не теряя времени попусту, отправить электронной почтой в прокуратуру Козлодоевска. Он сканировал записи в протоколах допроса, скинул их на флешку, скачал в свой походный ноутбук, набрал на нём данные прокуратуры. Оставалось нажать на клавиатуре кнопку «отправить», но в этот момент вдруг отключили ток. Люстра погасла. Экран ноутбука потускнел, и передать сообщение через интернет не получилось.

– Чёрт бы меня побрал! – чертыхнулся Надыбайлов, сожалея, что своевременно не позаботился о подзарядке компьютера. – Ну надо же! Чёрт меня возьми!

– Бе-е... Бе-е... – раздалось у него в ушах. – Не бе-е... Не беспокойтесь, Денис Иванович... Забе-е... Заберём...

– Кто здесь? – настороженно вслушиваясь в тишину тёмной гостиничной комнаты, оторопело спросил следователь. В коридоре отеля слышался цокот туфель со шпильками. Надыбайлову даже почудилось, что по паркету цокают козьи копытца. «Ерунда какая... Откуда в отеле быть козам?» – подумал Денис Иванович. Закрыв номер на ключ, впотьмах пробрался в ресторан, где уже горели на столах свечи. Ужин при свечах обещал быть романтическим. Денис Иванович Надыбайлов, полный сорокалетний мужчина, отец двоих детей, заказал бутылку красного вина и стейк с кровью.

– Вечер добрый, милейший Денис Иванович! Не возражаете, если составим вам компанию? – галантно спросил худой, сутулый мужчина. Был он лысоват, в очках, в дорогом чёрном костюме, с большим восьмиконечным орденом слева на груди и с тростью, торчащей у него под мышкой. На вид ему можно было дать лет пятьдесят.

– Пожалуйста... Милости просим, – в тон незнакомцу радушно ответил Надыбайлов, вздрогнув от того, что в полутёмном зале его узнали и обратились по имени-отчеству. Незнакомец придвинул стул красивой молодой даме в длинном платье, с накинутой на плечи меховой горжеткой. На левом плече дамы, покачиваясь, дремала сонная ворона. Надыбайлов завистливо покосился на миловидную спутницу франтоватого гостя ресторана.

«Красивая... Интересно, любовница или жена? Факт, что не сестра», – подумал Надыбайлов, поглядывая краем глаза на незнакомцев, усаживающихся за стол.

– И не жена, и не любовница, и не сестра, – учтиво сказал франт в дорогом чёрном костюме «тройке», в белой сорочке с рюшами и при «бабочке». – Моя ассистентка Виола со своей говорящей вороной Каролиной... А я, стало быть, её научный руководитель светоносный Люцифер, властитель Ада, низвергнутый с небес за попытку завладеть Божьим престолом... Правда, чаще меня называют Сатаной, Дьяволом, подстрекателем людей к совершению греха... Шучу, однако... Позвольте представиться: граф Сивопупов-Крымский! Доктор оккультных наук из парижского университета...

Надыбайлов оторопело глянул на него, подумал: «Вот чёрт слепощарый... Угадал, леший тебя возьми, что я подумал о девице... Хороша, ничего не скажешь... Мне бы такую прихватить с собой в Таиланд... Как мне надоела моя хрычовка... Чёрт бы её побрал!» Вслух отрекомендовал себя:

– Старший следователь по особо важным делам...

– Надыбайлов Денис Иванович, – договорил за него титулованный незнакомец.

– Ну и шутки у вас, знаете ли... Мы с вами разве пересекались уже? Знакомились? – удивлённо спросил Надыбайлов.

– Пересекаться, как вы изволили выразиться на современном сленге, мы, конечно, пересекались... И не далее как сегодня утром в кафе «Виктория», где вы так тесно беседовали с господином Тарантуловым...

При последних словах графа Денис Иванович побледнел, покраснел, но вряд ли перемены в его лице могли быть заметны в полумраке ресторана.

– Знакомиться с вами не знакомился, – продолжал свою мысль граф. – Вы так быстро распрощались с господином Тарантуловым и заторопились уйти из кафе, что было бы не совсем удобным с моей стороны задерживать вас, милейший Денис Иванович... Полагаю, на то была у вас особая причина...

– Давно ли живёте в Париже? – поспешно сменил тему разговора Надыбайлов. Лицо его покрылось капельками холодного пота, а руки мелко-мелко задрожали. Он убрал их со стола, сунул под скатерть, вцепился в колени. Трясаясь, как от озноба, Надыбайлов исподлобья оглядывал мрачный зал, в котором, как ни странно, кроме них никого за столами не было. «Но как?! Как он мог быть в кафе? Ведь кроме него самого и Тарантулова там никого не было... Кто сдал? А может, засняли на видеокамеру? Тогда всё... Крантец... Что делать? Встать и уйти?» – лихорадочно соображал следователь.

Граф Сивопупов-Крымский, судя по его спокойному голосу, кажется, не замечал нервного состояния собеседника. Извлёк из внутреннего кармана носовой платок, развернул, протёр очки. Пахнуло тонким ароматом французского парфюма. Надел очки, предварительно посмотрев на пламя свечи сквозь стёкла, аккуратно свернул платок и спрятал в карман. Достал сигару из коробки, которой почему-то раньше Надыбайлов на столе не заметил, откусил её кончик, прикурил от свечи и с наслаждением затянулся лёгким дымком кубинского табака. Пустив струйку голубоватого дыма, граф улыбнулся плотно сжатыми губами, переспросил:

– Давно ли живу в Париже? Да как вам сказать, дорогой Денис Иванович... Со времени постройки собора Парижской Богоматери... Я тогда работал чертёжником у архитекторов Жана де Шель и Пьера де Монтрей, проектировавших Нотр-Дам... Кажется, это было в тысяча триста сорок пятом году... Почитай, без малого уже лет семьсот прошло... Как быстро летит время... А всё будто было вчера...

– Столько не живут... Понимаю и ценю вашу остроумную шутку, – судорожно сглотнул Надыбайлов. – И всё же... Где вы так хорошо научились говорить по-русски? Чисто и без акцента...

– О, это долгая история, знаете ли... Милейший граф Потёмкин, фаворит Екатерины Великой, вместе с ней таскающий ныне камни в раскалённой пустыне, самолично давал мне уроки... Помню, долго не удавалось мне произнести раскатистое «р-р-р...».

Ворона на плече девицы встрепенулась, каркнула:

– Прро-изнести рра-скатистое р-р-р...

– Вот-вот, – рассмеялся граф. – Каролина и та может...

– Забавно, – дребезжащим смехом отозвался Надыбайлов на объяснение графа касаясь блестящего знания им русского языка. – Любопытно узнать, откуда вам известны моя фамилия, имя, отчество?

– О, это совсем просто... Я же сказал вам, что занимаюсь оккультной наукой...

– Это что же такое? Мистика? Магия?

– Да... Вроде того...

– И что вы можете?

– Предсказываю будущее... Вижу прошлое...

– В таком случае, что ожидает меня, ну, скажем, лет эдак через... сорок...

– Эх вы загнули, Денис Иванович... Дайте пораскинуть мозгами... Так... Вы родились под знаком Рака в год Кошки... Весы слева... Скорпион справа... Линия вашей жизни проходит между этими созвездиями... Всё ясно...

– Ничего не понимаю, – немного оживляясь, подался вперёд Надыбайлов. – Что вам ясно, граф? Сивопупов-Крымский пыхнул сигарой, спокойно ответил:

– Должен вас огорчить, уважаемый капитан полиции... Но вы настаиваете... Жить вам осталось немного... Ну, примерно день, два-три... Максимум неделю...

– Чутье какая... И что же случится со мной? – теребя край скатерти, еле выдавил из себя Надыбайлов.

– Вас убьёт ребёнок...

– Глупость... Сочиняете небылицы... Я никогда не воспринимал всерьёз всяких там лжепророков, ясновидящих, предсказателей, астрологов и прочих обманщиков...

– Напрасно...

– Ну, допустим, я поверил вам... Как мне уберечься, избежать смерти от руки коварного ребёнка? – задыхаясь от недостатка воздуха, спросил Надыбайлов. Хотел промакнуть влажное лицо, но вспомнил, что в носовой платок для надёжности завернул портмоне с деньгами.

Граф протянул ему салфетку.

– Возьмите, – любезно предложил он. – Скатерть, которой вы вздумали утереться, не подходит для этой цели. А никак вам не спастись... Всё уже предопределено Свыше... Баба Дуня получила свою нищенскую пенсию...

– При чём здесь какая-то баба Дуня?

– Она отложила деньги на обещанный подарок...

– Что всё это значит? – теряя самообладание, почти выкрикнул Надыбайлов.

Ворона встрепенулась, каркнула спросонья. Её глаза сверкнули искрами. Виола погладила её, приговаривая:

– Спи, Каролина... Ещё не полночь...

Птица закрыла светящиеся глаза и затихла в дрёме.

– Точно сориентироваться никак не могу... Вы, Денис Иванович, мешаете мне сосредоточиться... Меня то бросает в недалёкое прошлое, и тогда я вижу, как появилась на свет девочка Дуняша... То переносусь на тысячу лет вперёд и вижу вас босым, танцующим на красных угольях костра... Дым, чад... Бесенята резвятся... Прижигают вам пятки горячими кочергами...

– Это... где... так? – чувствуя, как по липкой спине ползут мурашки, заикаясь, спросил Надыбайлов.

– В преисподней... В моём царстве тьмы и чадающей серы... Где ещё быть грешнику, как не в Аду? Вы не верите в Сатану? Смеётесь над придуманным образом его, толстобрюхим плешивцем, намалёванным с рогами, с копытами, с облезлым хвостом... Напрасно... Сатана – главный противник небесных сил, есть высшее олицетворение зла, грозный, всеильный дух, владычествующий над человечеством до предела никому не известного времени.

– Чертовщина какая-то... Ерунда всё... Взрослый вы человек, а несёте несусветную чушь. Убийца – ребёнок... Преисподняя... Бесенята... – стараясь не выдавать охватившего его волнения, неуверенно возразил Надыбайлов, незаметно прижимая пиджак на груди слева. Ощутил под ладонью портмоне с долларами, показавшееся вдруг горстью жара.

– В пятьсот восемьдесят шестом году до Рождества Христова я пировал во дворце Соломона... Израильский царь изрёк такую мудрость: «Может ли кто взять себе огонь в пазуху, чтобы не прогорело платье его? Может ли кто ходить по горящим угольям, чтобы не обжечь ног своих?» – сказал граф, не вынимая дымящейся сигары изо рта.

От этих слов, сказанных как бы между прочим, Надыбайлова затрясло.

– Да не огорчайтесь вы из-за каких-то пяти тысяч... Пустое... – ласково произнёс граф. – Сущий пустяк... Право, уж поверьте мне, почётному члену клуба оккультистов... Тем более что это и не взятка вовсе, а небольшое вознаграждение за хлопоты по делу священника...

Надыбайлов завертел головой, делая вид, что высматривает официанта. Пропуская мимо ушей фразу о деньгах, лихорадочно соображал: «Откуда этот козлоподобный тип знает про взятку? Подслушал с микрофона от встроенного под столом “жучка”? Или в кафе поставлены камеры видеонаблюдения? Кто эти двое? Обэповцы? Фээсбэшники? Если так, надо дёргать отсюда подброду, пока не повязали...»

– Бежать не имеет смысла, дорогой Денис Иванович... Лучше проживите крохотный остаток никчёмной жизни разгульно и весело, как и подобает истинному грешнику... А то ведь скоро лишитесь всех земных благ... О чём тогда будете вспоминать в геенне огненной?

– Все под Богом ходим, – слабо возразил Надыбайлов.

– Все да не все, – многозначительно переглянулся с Виолой граф Сивопупов-Крымский. Хитро прищурившись, взглянул на следователя поверх очков, щёлкнул пальцами: – Официант! Подойдите, милейший... Шампанское, фрукты, конфеты, бутылку «Цинандали»...

– «Цинандали», извините, нет...

– А вы спросите у бармена...

– Да нет же... Я знаю...

– Не возражайте посетителю, молодой человек... Вам следует ответить: «Хорошо, господин... Пойду и спрошу...» Да... И принесите букет свежих роз для дамы...

– Зима на дворе, господин... В цветочном киоске есть, конечно, розы из Голландии... Но сейчас время позднее... Киоск давно закрыт...

– А вы спросите у администратора гостиницы... У почтенной Тамары Ивановны...

Официант головой покачал, посмотрел на гостя как на ненормального и, усмехнувшись, ответил:

– Хорошо, господин... Пойду и спрошу «Цинандали» у бармена и цветы у почтенной Тамары Ивановны...

Он ушёл и скоро вернулся с большим букетом роз в китайской вазе и с бутылкой «Цинандали». Смущённый официант сказал:

– Извините, господин, мою бестактность... Бармен и сам не знал, что у него в буфете есть грузинское вино... А у Тамары Ивановны, как ни странно, огромный букет роз...

Надыбайлов, изумлённый не меньше официанта, молча наблюдал, как лысоватый джентльмен с орденом и при галстук-«бабочке» с подобострастием преподнёс цветы даме. мех горжетки прикрывал её голые руки. Алмазные подвески на платье вспыхивали отблесками свечи, крохотное пламя которой колыхалось от движений официанта, расставлявшего бокалы. Жемчужное ожерелье в два ряда охватывало шею красавицы. Трудно сказать, какого цвета было её экстравагантное платье. Гармонично сливаясь с волнистыми чёрными локонами, оно играло иссиня-фиолетовыми тонами, переливалось изумрудной зеленью, отдавало малиново-красной киноварью. Золотая брошь в виде раскрытых лепестков фиалки сияла на груди прелестницы. Пояс из золотых колец с изумрудами облегал тонкую талию дамы. На её левом плече, как вы помните, дремала ворона. Граф был одет не менее изысканно и со вкусом человека, привыкшего красиво и модно одеваться. Вишнёво-красная «бабочка»-галстук на белоснежной сорочке изящно смотрелась из-под жилета, из карманчика которого свисала золотая цепочка от часов. Платок – одного цвета с галстуком, с продуманной небрежностью выпущенный из нагрудного карманчика пиджака – элегантно дополнял костюм. На манжетах сорочки пламенели рубиновые запонки в платиновой оправе.

Надыбайлова несколько озадачили рыжеватые волосы графа, завитые надо лбом в виде коротких рожек, его клинообразная редкая бородка, а главное, старинный орден давно минувших дней и отгремевших сражений. «Интеллигент... Из богатеньких... Зубы платиновые... Каждый по цене автомобиля... Наверно, недурно ему живётся там... в своей Франции...» – подумал Денис Иванович, втайне посматривая на ассистентку доктора оккультных наук из Парижа. Временами сотруднику следственного комитета мерещились сыпавшиеся искры из глаз Виолы, но это было, скорее, отражение трепетавшего огонька свечи.

Официант принёс накрытый салфеткой стейк – непрожаренный ломоть говядины. Надыбайлов взял в левую руку вилку, в правую нож, намереваясь вонзить их в мясо.

– Приятного аппетита, Денис Иванович... Стейк с человеческой кровью... Блюдо гурманов... Должно быть, очень вкусно... Я видел, как воины Александра Македонского в приступах голода набрасывались на пленников и пожирали их, – проговорил гость из Парижа, пригубляя из хрустального фужера искрящееся «Цинандали».

– Что вы такое несёте, граф? – поморщился Надыбайлов, с отвращением отодвигая от себя тарелку с мясом. В своей следственной практике Денис Иванович насмотрелся колотых, резаных, стреляных, расчленённых трупов и мог спокойно пить кофе и есть пирожки вместе с патологоанатомом в лаборатории морга, но сказанное сейчас доктором оккультных наук вызвало в нём брезгливость.

Надыбайлов отодвинул тарелку, налил полный бокал вина и залпом, словно страждущий воды в пустыне, выпил.

– Красное вино – кровь Христа... Пейте и наслаждайтесь страданиями Его, – глядя на огонёк свечи через хрусталь фужера, промолвил граф. – О, благородное вино, играющее в бокале багряным блеском! Весели меня пенящейся кровью Христа! Я благоговейно пью святой дар и зазданным тостом приветствую моего непримиримого врага Господа Бога!

Надыбайлов кинул на графа хмурый взгляд, испытывая всё возрастающее негодование к слизнявому типу с козлиной бородкой. Ни есть, ни пить он уже не мог, вспоминая лужи крови на местах происшествий, куда много раз ему приходилось выезжать в составе опергруппы. Помимо воли, виделась струйка крови, стекавшая с горла одинокого старика, зарубленного на прошлой неделе пьяным соседом, позарившимся на его пенсию. Раздумывая, сделать ли новый заказ без мяса или позвать официанта, рассчитаться и уйти, Надыбайлов машинально вертел в руке пустой бокал.

Граф, словно ни в чём не бывало, поблёскивая платиновыми зубами, любезно предложил:

– Выпейте с нами «Цинандали», Денис Иванович... Прекрасное вино, знаете ли... Вот яблоки, ананасы, апельсины... Кушайте на здоровье... Вы нелестно думаете обо мне, называя «слизнявым типом», но я надеюсь, что, приняв участие в нашем совместном ужине при свечах, чокнувшись со мною дважды, увидите, что я похож на вас...

Говоря так, граф, улыбаясь, наполнил бокал Надыбайлова из своей бутылки. Глаза его сверкнули яркими огоньками и мгновенно потухли. Девушка с милой, очаровательной улыбкой выжидательно посмотрела на Дениса Ивановича. Под её пронизательным взглядом жгучих глаз он безропотно взял доверху налитый бокал и опрокинул его в широко разинутый рот.

– Bravo, Денис Иванович! – легонько похлопал в ладоши граф, снова наполняя бокал Надыбайлова. Виола всё так же пристально смотрела на него. Надыбайлов с бравадой выпил и этот бокал.

– Bravo, bravo! – похвалил граф, в третий раз придвигая Надыбайлову до краёв полный бокал.

Денис Иванович, удивляясь самому себе и не в силах сдержать себя, выпил, и всё вмиг перевернулось перед ним, встало вверх тормашками. Он вдруг увидел сидящую напротив безобразную, сморщенную старуху в лохмотьях, шамкающую беззубым ртом. Её седые волосы спутались грязными космами. Сидящий рядом в лохматой шерсти старик с рожками, торчащими промеж длинных, островерхих ушей, жевал капустный лист, обнажая жёлтые сточенные зубы.

– Бе-е, – проблеял старик. – Пять тысяч долларов получил за нечистое дело...

Надыбайлов, мертвецки пьяный, отмахнулся от кошмарного видения, пробормотал: – Тьфу... Сгинь, нечистая сила...

Он плюхнулся лицом в стейк с кровью, так и не тронутый им, и лишился чувств. Денис Иванович не помнил, сам ли он добрался до комнаты, или кто привёл его в номер отеля. Он очнулся рано утром и нашёл себя лежащим на полу, а точнее – на коврик у двери. К ужасу своему, старший следователь по особо важным делам увидел себя абсолютно голым, если не брать во внимание трусы-«семейники» в «горошек» и хлопчатобумажные носки с дырочками на пятках. Надыбайлов, напрягшись, оторвал от порога чугунную, раскаляющуюся голову, кряхтя поднялся, ища глазами одежду. Ни брюк, ни пиджака в комнате не было. Надыбайлов заглянул в платяной шкаф, даже под кровать, но одежда бесследно пропала. Пальто, свитер, зимние новые ботинки, рубашка, норковая шапка, перчатки – всё исчезло. Вместе с одеждой воры прихватили портфель с протоколами допросов «липовых» свидетелей, флешку и ноутбук с копиями этих материалов. Вспомнив о пропаже следственных документов, вмиг протрезвевший Денис Иванович осознал потерю пяти тысяч долларов и служебного удостоверения. Наивно и смешно было думать, что злоумышленники оставили бы их. До него дошло, что собеседники за столом в ресторане были совсем не те, за кого себя выдавали.

– Подлые аферисты... Гнусные мошенники... Презренные воры... Пять тысяч долларов умыкнуть... У кого? У старшего следователя по особо важным делам! Ну, гады... – всхлипывая как ребёнок, плакал Надыбайлов. – Как я теперь домой приеду? Без денег, без штанов, без протоколов допроса, без удостоверения... Что скажу прокурору Недоносову?

Так, причитая, Денис Иванович сидел нагишом в пустой комнате, куда вскоре явилась горничная с ведром и шваброй. Узнав в чём дело, женщина всплеснула руками:

– Ай-яй-яй! Вот до чего пьянки доводят! Пить надо меньше, алкоголик паршивый! Давай вымечтайся отсюда... Мне комнату проветривать надо... Завонял весь номер перегаром... Какую поганую сивуху ты пил?! На хорошее вино денег, наверно, не было... Готов любую гадость выжрать...

Отчитав несчастного старшего следователя по особо важным делам, женщина сжалилась над ним. Принесла из бытовки драный больничный полосатый халат, похожий на арестантский, брошенный кем-то, детскую спортивную шапочку с пупоном, подростковую куртку-пуховик и резиновые сапоги сорок пятого размера.

В таком одеянии, похожий на огородное пугало, следователь-взяточник рано утром вышел из отеля и, шарахаясь от встречных прохожих, заторопился на железнодорожную станцию. Во дворе двухэтажного барака он порылся в мусорной куче, нашёл солдатские брюки-галифе и с радостью ребёнка, получившего игрушку, натянул их на себя. На поясе галифе не сходились – мешал круглый животик, но Денис Иванович быстро нашёл выход из положения: подобрал на свалке шнур от утюга и подвязал штаны. Он поглядел на ясное, голубое небо над Челябинском и с ненавистью, kloкотавшей в груди, выкрикнул проклятья:

– Сволочи! Чтоб вас черти взяли! Чтоб Сатана вас камнями побил! Пусть небо разверзнется каменным дождём над Челябинском и сыпанёт бульжники на ваш проклятый город! Прибежище сатанистов, мошенников, аферистов! Украсть у меня пять тысяч долларов, одежду и всё остальное! Не прощу-у... Приди, лукавый Сатана, и насладись их стонами...

Потрясая кулаками, Надыбайлов взирал на небо, громко умоляя всех чертей и прочих слуг дьявола обрушить камни на головы челябинцев. Он пытался вспомнить лица прохиндеев, подсевших к нему в ресторане, но в памяти всплывали сторбленная старуха-ведьма и плешивый старик-козёл...

...Февральский утренний ветер гнал позёмку, взвихряя снежную пыль над насыпью, бросал в лицо колючую ледяную крупу. В ожидании зелёного сигнала светофора на боковом пути станции на целый километр растянулся тяжёлый, готовый к отправлению грузовой поезд. На трёх вагонных платформах краснели кабинами новенькие «Камазы». Стуча зубами от холода, Денис Иванович взобрался на одну из них, уселся, примостившись за колесом самосвала. Соединив рукава куртки вместе, он спрятал в них заочневшие руки. Пальцы ног в резиновых сапогах онемели – первый признак отморожения. Денис Иванович не плакал. На рыдания не доставало сил. Он шептал проклятия, призывая всех чертей на повинных в его беде аферистов и в их лице всех челябинцев. Из круговерти метели возникли тёмные фигуры. Первым, прихрамывая, опираясь на трость, шёл пожилой мужчина в очках, в форменной шапке-ушанке с кокардой железнодорожного охранника. За ним шла молодая женщина в ватных брюках, в форменной куртке с капюшоном, наброшенным на голову. На плече у неё сидела ворона. Птица вдруг захлопала крыльями, прокаркала:

– Карр... Прро-курра-турра... Ворр... Карр...

– Бе-е... Кто здесь? Покажись! – визгливо потребовал охранник, подходя к платформе.

Денис Иванович боязливо высунулся из-за колеса. Старший следователь по особо важным делам совсем задубел и смирился с неизбежностью превратиться в глыбу льда.

– Предъявите документы! Бе-е... Бе-ез... документов? Придётся сдать вас в полицию, гражданин... Бе-е... Надыбайлов Денис Иванович...

Старший следователь по особо важным делам почему-то не удивился, откуда охранник знает его фамилию. Наверно, от холода мозги его тоже застыли, и отупевший капитан полиции, еле ворочая языком, промямлил:

– Не... Не надо... в полицию...

На какое-то мгновение лица охранников показались знакомыми: с клинообразной рыжей бородкой мужчина в очках, черноволосая девица... Ворона... Одетые в железнодорожную форму, они отвернулись, и мужчина-охранник примирительно произнёс странным, по-козлячьи бляющим голосом:

– Бе-е... Ладно... Бе-е... Езжай в свой Козлодоевск... Расшалился там народец... Ни в Бога, ни в Сатану не верит... Не страшит их геенна огненная... Нам «Камазы» сопровождать положено... С тобой поедем до Козлодоевска... Бе-е...

У Дениса Ивановича простуженный голос прорезался. Согласно кивая, просипел:

– Да... У нас в Козлодоевске коррупция, воровство... Полно мошенников, грабителей, наркоманов...

– Рыба с головы гниёт, Денис Иванович... Бе-е... – проблеял охранник, сверкнув глазами. Сжался над согбенным Надыбайловым: – Садись в кабину «Камаза», Денис Иванович... Там затишно... Однако... Бее... Не высовывайся... Неровен час, упадут сюда камни с неба, о которых ты просишь у Сатаны...

Метель сыпанула снегом, и в клубах её исчезли охранники с вороной. Прошуршал щебень под их туго зашнурованными берцами, и опять стало тихо. Открывая дверцу автомобиля и влезая в кабину, следователь по особо важным делам Надыбайлов видел, как небо над городом прочертили желтоватые полосы. Эхо далёкого взрыва долетело до станции, ударило по ушам, и Денис Иванович чуть не оглох. Всхлипывая, он дрожал от холода, от обиды на подлых проходимцев, сыгравших с ним злую шутку, кутался в куцый пуховичок и поминал недобрыми словами диспетчера, долго не отправлявшего товарный состав. Наконец поезд прошипел тормозами, прозвенел автосцепками, проскрипел стылыми колёсами и застучал на выходных стрелках, увозя ответственного работника следственного комитета в родной Козлодоевск. Как и предсказал доктор оккультных наук из Парижа, граф Сивопупов-Крымский, Денис Иванович Надыбайлов через две недели после злополучного ужина в ресторане отеля «Яхонт» трагически погиб от руки малыша. На его могиле находили вдавленные в глину свежие следы копыт. То ли какой заблудший козёл потоптал её, то ли другая скотинка... Но об этом несколько позже...

ГЛАВА 3

«Чего ему не хватало?»

Сырой утренний ветерок разносил запахи подтаявшего, посеревшего снега. На первых проталинах важно расхаживали воркующие голуби. Неугомонно чирикающие воробьи копошились в ветвях клёнов, отпотевших после ночного заморозка. На крышках канализационных люков грелись облезлые, грязные коты, перезимовавшие в пыльных подвалах. Пугая прохожих, с карнизов домов свисали толстые сосульки, угрожая сорваться на головы. Ликующая малышня с визгом резвилась на детских площадках. Во дворе школы ученики старших классов бегали раздетыми и без шапок. Приметы близкой весны...

В широкие пластиковые окна мэрии Козлодоевска, смотрящие на городскую площадь, обсаженную елями, долбилась клювом голодная синица. В поисках корма птичка высматривала форточку, через которую смогла бы влететь в кабинет архитектора господина Разуваева. В приёмной толпились надоедливые посетители-просители, сдерживаемые у заветной двери архитектора строгим взглядом холодно-неприступной Глафиры Порфирьевны – пожилой дамы, односложно отвечающей на телефонные звонки.

– Антон Ильич занят, – слышали абоненты её сухой, равнодушный голос. Тембр его преобразался, становился мягче, когда Глафире Порфирьевне, добиваясь её благосклонности, посетители-просители подносили подарки. С бесстрастно-невозмутимым лицом, которое никак не становилось моложе и привлекательнее от косметических усилий, секретарь архитектора открывала и задвигала ящик стола. От каждого такого движения в нём прибавлялось шоколадных плиток, конфетных коробок, флаконов с духами, губных помад, баночек с кремами. Очередной посетитель-проситель, рвущийся в кабинет архитектора за подписью, дающей право возвести в городе строение, прорыть траншею или установить рекламный баннер, вносил скромный вклад в необъёмный стол Глафиры Порфирьевны. Секретарь многозначительно указывала на стул. Сей выразительный жест мог означать: «Ждите... Антон Ильич занят...», «Подождите немного... Антон Ильич примет вас...», «Я сейчас доложу Антону Ильичу о вашем приходе...» Каждый посетитель понимал приглашение присесть в зависимости от своего должностного положения или сообразуясь с ценой преподнесённого секретарю презента.

Начальникам нравится иметь в приёмной как можно больше народу. Это придаёт им значимость в глазах людей, возвышает в своих собственных и создаёт у вышестоящего руководства видимость большой загруженности нижестоящих чиновников. К тому же, чем больше толчется людей у дверей кабинетов, тем больше вероятность, что от них, подписывая справку, можно сколько-нибудь поиметь. Задаром ведь и чирик не садится, прежде почесать надо. А чешется у чиновников всегда и, как ни странно, только левая ладонь, что, как всем известно, к деньгам.

Архитектор города Козлодоевска господин Разуваев Антон Ильич не был в этом смысле исключением. В то время как очередники хмуро и неусыпно следили друг за другом, ревниво оценивая возможности претендентов урвать удобное местечко для своего ларька или магазина, Антон Ильич не торопился их принимать. Уютно расположившись в кожаном кресле, он доедал остатки вчерашней пиццы и запивал их клюквенным морсом. В стекло кабинета, озарённого скупыми лучами утреннего солнца, настойчиво стучалась синица, порхала на раме, косила глаз на крошки от пиццы. Батареи парового отопления слабо грели, но от электрокамина исходило благодатное тепло.

«Мерзавцы... Разворовали бюджетные деньги на уголь, на газ... Батареи чуть живые... Миллиончиков пять, если не больше, умыкнул мэр со товарищи...» – с завистью подумал Антон Ильич о коллегах – работниках городской администрации. В последнее время козырная карта никак не шла Антону Ильичу. Под выигрышным джокером подразумевалось денежное вознаграждение, именуемое на юридическом языке «взяткой в особо крупном размере». Толстую пачку долларов мог преподнести ему воротила-бизнесмен, какой-нибудь прожжённый ворюга или бывший рэкетир, отмывший деньги в заграничном банке, за одну лишь закорючку в виде подписи, разрешающую, к примеру, возвести супермаркет в центре города. «Или пусть бы мне предложили толкнуть чемоданчик с наркотой за пол-ляма цыганам», – мечтательно подумал Антон Ильич. Как назло, в приёмной толкутся мелкие лавочники, вечные должники по оплате аренды, сидящие по уши в кредитах, ссудах и займах. Невозможно содрать с них приличную сумму. И желанного чемоданчика с долларами, с наркотиками у них при себе нет... И это сейчас, когда ему край как нужны пятьсот тысяч долларов, чтобы достроить дом-дворец на Кипре из бело-розового мрамора, с фонтанами, бассейнами, теннисными кортами и площадкой для гольфа. Всего-то... Каких-то паршивых пол-миллиона...

В ту самую минуту, когда архитектор господин Разуваев, кусая губы, морщил лоб, мысленно прощупывая предпринимателей, ожидавших в приёмной, на столе запищал телефонный аппарат внутренней связи.

– Слушаю, Глафира Порфирьевна... Что у вас с голосом? Вы словно проблеяли... Что?! Граф Сивопупов-Крымский?! Вы что несёте? Какой ещё граф?! Проходимец уши вам притирает, а вы развесили их и слушаете... Гоните его взащей к чертям собачьим! Нет в нашей стране ни князей, ни маркизов, ни баронов, ни графов, ни герцогов! Разогнали их большевики... Вы ещё скажите, что ко мне турецкий паша пожаловал или японский самурай... Что?! Из Парижа прилетел?! Так пропустите немедленно!

Предчувствуя удачу, Антон Ильич вытер о брючину разом вспотевшую левую ладонь. «Кажется, крупная рыба клонула... Не иначе, инвестиции хочет вложить в экономику нашего города... Это новостройки, отвод под здания земельных участков... Ну уж, господин карась... Не сорвёшься у меня с крючка! Обдеру француза как липку!» – в нетерпении заёрзал в кресле Антон Ильич, смахнул рукой со стола крошки от пиццы и, приняв начальственную позу, забарабанил пальцами по блестящей, лакированной «под орех» крышке массивного стола. Он глянул на стрелки огромных напольных часов, отбивших половину десятого, перевёл взгляд на дверь и обомлел. Прямо перед ним стоял рыжий, с бородкой клинышком, невзрачный гражданин в мятом, потрёпанном спортивном костюме фирмы «Адидас». Резную трость, поблёскивающую золотой рукоятью, он держал слева под мышкой. На груди столь неожиданно возникшего человека сиял восьмиугольный орден, усыпанный бриллиантами. Рядом с мужчиной, смахивающим скорее на бомжа, чем на порядочного человека, тем более графа, стояла элегантная красивая девушка с изящным чемоданчиком-кейсом и вороной на согнутой руке. На лохматых лапках вороны блестели золотые кольца. В острых, пронизательных глазах девицы и жёлтых вороньих вспыхивали и мгновенно гасли огоньки. Чёрные пышные волосы, чёрные большие глаза, чёрные модельные туфли, чёрная мини-юбка, чёрная блузка с вышитой на ней золотой нитью фиалкой... Блеск бриллиантов и золотых украшений... «Наверно, от солнца так сверкают её глаза, – подумал Антон Ильич, ошарашенный несказанной красотой девицы и взъерошенной вороной на её локте. – Странно... Как они вошли, что я не слышал?» Позже, находясь в камере следственного изолятора, Антон Ильич не мог вспомнить, что больше поразило его: бриллиантовая звезда на груди неряшливо одетого рыжего посетителя, золотой набалдашник трости, перстни на пальцах или очаровательная модница с вороной...

– Слушаю вас, гражданин... Э-э...

– Граф Сивопупов-Крымский, – с вежливым поклоном подсказал именитый посетитель, чем вызвал вполне понятную улыбку Разуваева. – А это моя неотразимая ассистентка Виола Филаретовна Обнорская... С вашего позволения – просто Виола... И её любимая говорящая ворона Каролина...

– Карр... Гово-ррящая... Варро-на Карро-лина... – гаркнула ворона во всё воронье горло, сверкая жёлтыми глазами.

Прелестная девица придержала ворону и, взмахнув кейсом, сделала реверанс, чем окончательно сбила Антона Ильича с толку. Заворожённый её чарами, Разуваев предложил трепетным голосом:

– При... Присаживайтесь, пожалуйста...

Мысли архитектора Козлодоевска шли враскоряку. С одной стороны, неопрятный вид незнакомца не внушал доверия. С другой – его невиданный орден, дорогая трость, перстни и столь изысканный реверанс девушки явно аристократического воспитания. «Этот нелепый орден... Камушки на нём, поди, стекляшки обыкновенные... Где, на какой толкучке коллекционеров купил он его?»

Пока Разуваев оставался в замешательстве, верить или не верить в графское происхождение незнакомцев, мужчина с орденом на «адидасе» заговорил первым:

– Насчёт ордена, Антон Ильич, не сомневайтесь... Самый настоящий... И не стекляшки на нём, а чистейшие алмазы огранки уральских мастеров... Десять каратов... Мне его самолично вручила матушка-императрица Екатерина Вторая за морскую баталию при Калиакрии, где я командовал бригадом под началом Фёдора Ушакова...

– Что?! Командовал бригадой?! – вытаращил глаза Разуваев. – Но позвольте, гражданин... Э-э...

– Граф Сивопупов-Крымский...

– Что вы мне голову морочите? То когда было? Дай бог памяти...

– Не утруждайте себя, Антон Ильич, напрасными потугами... В школе на уроках истории вы не отличались знаниями предмета, поэтому не вспомните дату сражения... Я подсказу вам: в той баталии мы разгромили турок четырнадцатого октября тысяча семьсот девяносто первого года, за что к моей фамилии Сивопупов добавилось почётное Крымский...

– Да-да... Но всё же... Прошло два столетия, а вы утверждаете... Просто не серьёзно и даже не смешно...

– Как вам будет угодно... Только не советую вдругорядь гнать меня к чертям собачьим. И вообще я не карась... Клевать на ваш крючок не намерен... Пожалуй, наживкой станете вы сами...

При этих словах с металлическим оттенком в голосе незнакомца Антон Ильич похолодел. «Откуда он знает, что я так подумал о нём? Экстрасенс, что ли? Станный тип...»

– Я не тип, как вы изволили заметить, а граф Сивопупов-Крымский... Кстати, этот почётный титул и ещё тысячу крепостных мне высочайшим указом пожаловала императрица Екатерина Великая. Прошу любить и жаловать... Так что на полном основании вы должны обращаться ко мне не иначе как «ваше сиятельство».

Разуваев от души расхохотался. Этот странный незнакомец с козлиной бородкой и рыжими рожками-завитушками со своим несусветным враньём напоминал... Кого? «Ага, вспомнил! Этого, как его...»

– Барона Мюнхгаузена, вы хотели сказать? – вкрадчивым голосом спросил Сивопупов-Крымский. Антон Ильич в страхе поперхнулся, зашёлся кашлем, закивал.

– Возможно, вы и правы, Антон Ильич... Ведь Рудольф Эрех Распе, автор знаменитых «Приключений барона Мюнхгаузена», писал его портрет с меня... И сюжеты всяких лживых походов литературного вруна-авантюриста немецкому писателю подсказывал я, сидя с ним зимними вечерами за партией преферанса...

Разуваев насмешливо взглянул на графа.

– Не стоит сочинять небылиц, ваше сиятельство... Конечно, я не литературовед, но читал где-то, что барон Мюнхгаузен – не вымышленный герой... Он рассказывал смешные, неправдоподобные истории, чтобы развеселить гостей... Барон был толст и совсем не похож на худого отчаянного смельчака, изображённого на иллюстрациях самого Распе.

– А я и не говорю, что перед Распе я представлялся худым, – пожал плечами граф... – Не хотите, ну и не верьте...

Разуваев побледнел, выпил стакан минеральной воды и чуть было не лишился чувств, увидев, как несколько мгновений из глаз Виолы и её растрёпанной птицы сыпались искры. Он потерял дар речи

и боялся подумать что-нибудь ещё о необыкновенных пришельцах. Мысли упрямо вертелись о пятистах тысячах долларов, которые он рассчитывал заполучить с них за сделку, «ободрав как липку».

– Вы нуждаетесь в деньгах для строительства роскошного дома на Кипре... Вот вам полмиллиона долларов, о которых вы так страстно мечтаете. За небольшую услугу... Я желаю переделать магазин «Хозтовары» в ресторан... Нужна подпись главного архитектора...

Виола поставила чемоданчик на стол. Ворона Каролина слетела с её локтя с громким карканьем, распутив крылья, уселась на дверцу шкафа. В её жёлтых глазах на миг вспыхнули искры. Разуваев пристально посмотрел на неё, и ворона разинула клюв, взъерошила перья, угрожающе зашипела.

– Серьёзная птичка... С характером, – боязливо проговорил Разуваев, вожаделенно глядя на чёрный «дипломат».

– Ну, так как, Антон Ильич? Договоримся? Я вам дам деньги, а вы не возражаете против строительства ресторана на месте магазина хозтоваров...

Разуваев, заикаясь, сказал:

– Вопрос непростой... Требуется рассмотрения на сессии депутатов городского совета... Как решат они...

Граф Сивопупов-Крымский вставил золотой ключик в замочек «дипломата» и раскрыл его. Тугие пачки банкнот зеленели в нём, сразу пленив Антона Ильича. Сердце его бешено заколотилось. Он промокнул носовым платком взмокший лоб, лихорадочно соображая: «Подстава... Фээсбэшники работают... Или цэрэушники...»

– Нет, что вы! – испуганно вскрикнул Антон Ильич. – Я взятку не беру, – боязливо пробормотал он и подумал: «Чёрт знает, что это за люди... Может, они опера из ОБЭПа...»

– Да не парьтесь вы, Антон Ильич... Никакие мы не опера и не фээсбэшники... И уж, само собой, не цэрэушники... Я французский учёный, которого вы собрались ободрать как липку... Моя ассистентка Виола – бизнес-леди... И не лгите, что вы взятку не берёте... А два миллиона рублей за участки, отведённые под застройку коттеджей в черте города, которые вы взяли у местного олигарха Голопузова? А три миллиона рублей за парковочные автостоянки? Правда, вы поделили их с мэром Потапенковым и его заместителем Абдурахмановым... Ещё припомнить некоторые случаи вашей профессиональной деятельности? Например, в качестве взятки оплаченную вам путёвку на отдых в Испании?

Разуваев ошалело поводил глазами по сторонам, хватая ртом воздух. Его бил озноб. «Откуда им всё известно?»

– Напрасно вы принимаете нас за силовиков, – спокойно сказал Сивопупов-Крымский. – Мы из старинного графского рода... Ну а если вы, Антон Ильич, взятку не берёте, – усмехнулся граф, – предлагаю сыграть со мной в карты. Вы же мечтали о джокере... Выиграете – деньги ваши, подписываете разрешение на ресторан...

– А если проиграю? – засомневался Разуваев, чувствуя подвох.

– Деньги останутся у нас... Но мы уйдём без подписи... Только и всего... Вы ничего не теряете...

– Карр... К чёрр-ту карр-ты... Карра-ул... Грра-бят, – прокричала ворона со шкафа. – Карр-ты врр-ут...

Сивопупов-Крымский протянул руку, и в кулаке у него оказалась новенькая колода карт. Разуваев сам распечатал её дрожащими руками. Виола стасовала карты, раздала игрокам. Антон Ильич с радостью, близкой к помешательству, обнаружил, что все шесть карт в его руке, бубновые козыри. С гулко бьющимся сердцем он побил все карты графа.

– Что ж... Договор дороже денег... Выиграли вы, Антон Ильич, – проговорил граф безразличным тоном и без видимого сожаления отдал кейс Разуваеву. Тот, сияя от счастья, принял его, торопливо подписал предложенные ему бумаги и раскланялся:

– Э-э... Ваше сиятельство... Всего доброго, граф... Всяческих благ вам, прекрасная леди... И тебе, умная птичка...

Ворона взъерошила перья, раскрыла клюв и, дико вращая сверкающими глазами, захлопала крыльями, слетела со шкафа и уселась на плечо невозмутимой хозяйки.

– Карр... В карр-ты иг-ррают ду-рраки, – прокричала она. – Крра-сиво жить у парра-ши не запрре-тишь... Прро-щай...

У двери граф обернулся, небрежно бросил через плечо:

– Кстати, Антон Ильич... Неплохая идея толкнуть наркотики цыганам, промышленяющим этим зловредным бизнесом...

Посетители ушли, учтиво поклонившись, а Разуваев заметался по кабинету как ужаленный, лихо-радочно соображая, куда спрятать кейс с деньгами. Вспомнил о давнишнем своём тайнике в огромном цветочном горшке с искусственной монстерой. Схватил макет растения за толстый стебель, вынул из горшка, вывалил в него из чемоданчика увесистые пачки столларовых купюр, опустил «монстеру» на них. Осмотрелся: всё нормально. Уселся в кресло, потёр ладони одна о другую. Вдруг спохватился:

– Кейс!

Он проворно вскочил, торопливо набросал в чемоданчик всякой бумажной макулатуры, захлопнул его и спрятал в книжный шкаф. Всё шито-крыто! Вальяжно уселся в кресло и уткнулся в служебную документацию. Громко крикнул:

– Глафира Порфирьевна! Кто там следующий? Пусть войдёт! – И, гордый собой, самодовольно улыбаясь, добавил: – Гольтьба... Лавочкики недоношенные... Коммерсанты паршивые... Нищета... Снегу у них зимой не выпросить, не то чтобы сами догадались на лапу дать... А ещё в бизнесмены лезут... Туда, куда и все...

Когда Антон Ильич выдавал эту тираду, у дежурного в управлении полиции зазвонил телефон. Майор поднял трубку.

– Дежурный майор Белов вас внимательно слушает...

– Полиция? Говорит доброжелатель... Архитектор города господин Разуваев Антон Ильич только что получил взятку пятьсот тысяч долларов США за переоборудование магазина «Хозтовары» в ресторан... Деньги Разуваев спрятал в горшок с монстерой... Они помечены буквами «С-К»... А ещё он торгует наркотиками... Кейс с героином Разуваев хранит в шкафу с книгами по архитектуре... Ключик от кейса в карандашнице на письменном столе...

Через полчаса в кабинет ошеломлённого Разуваева вломилась бойца ОМОНа. Несчастливого Антона Ильича положили на пол лицом вниз, заломили ему руки за спину и сцепили их наручниками. При понятиях, среди которых была трясущаяся от страха Глафира Порфирьевна, сотрудник полиции поднял за стебель пластиковую монстеру, вытряхнул из горшка пачки денег, вытащил из шкафа «дипломат». Ключик от него действительно оказался в карандашнице. Полицейский открыл чемоданчик. Пакеты с белым порошком плотно лежали в нём, аккуратно уложенные ровными рядами.

– Это не моё! – вскричал не своим голосом обезумевший от ужаса Антон Ильич и схватился за сердце.

– И чего ему не хватало? – закуривая сигарету после подписания протокола, взволнованно проговорила Глафира Порфирьевна. – Престижная должность, хорошая зарплата... Так нет... Взятка... Наркотики... Ну, теперь ему всего хватит с избытком...

Как стало позже известно, бывший архитектор города Козлодоевска Антон Ильич Разуваев не пережил волнений ожидаемого суда и скоропостижно скончался в камере следственного изолятора.

ГЛАВА 4

Граф Сивоупов-Крымский собственной персоной...

В те самые минуты, когда перепуганный насмерть архитектор мерил шагами тесную камеру следственного изолятора, теряясь в догадках, откуда взялись наркотики в «дипломате», редактор городской газеты «Бизнес-Козл» господин Агафонов Валентин Григорьевич не мог самостоятельно подняться с постели. Требовался специальный подъёмный кран... Такой компактный, домашний, чтобы медленно и осторожно приподнять несчастного редактора за отворот ночного халата, отнести его в ванную комнату, ласково обтереть ему лицо влажной, прохладной салфеточкой, побрить его, почистить ему зубы, прополоскать рот и влить в него грамм сто коньяка.

Мечтая о подъёмно-похмельном устройстве, Агафонов мысленно его усовершенствовал: кран, подъехав к нему на колёсиках, сначала должен был вливать в рот коньяк для похмелья, а уж потом нести страдальца к умывальнику. Однако пока башковитые японцы и хитромудрые китайцы ещё не придумали робот-опохмельитель, роль этого автомата периодически выполняла ненавистная жена редактора одиозная Эльвира Самуиловна, главный санитарный врач Козлодоевска. Не

вступая в излишние дебаты с мужем, она бесцеремонно, не колеблясь ни минуты, опрокинула на бедолагу ковш холодной воды. Агафонов вскочил на ноги, помяная Сатану, всех чертей и леших, пославших ему жену-ведьму. Ещё вчера она была другой...

В обеденный перерыв Агафонов забежал в хозяйственный магазин, что напротив редакции, и купил там пять широких рулонов немецких обоев. Позвонил домой, сообщил жене о своём намерении прийти с работы пораньше и оклеить спальню. Эльвира Самуиловна, благословляя мужа на бытовой подвиг, назвала его «славным голубком», обещала расцеловать и приготовить на ужин его любимые сырники со сметаной.

Но, увы... Моющиеся обои с нежно-розовыми пионами прекрасного германского качества так и остались валяться в углу кабинета. Вместо того чтобы создавать уют, вить гнёздышко семейного счастья, Агафонов пошёл на день рождения к своему давнему товарищу прокурору Недоносову, где, по образному выражению сухопарой, зловредной Эльвиры Самуиловны, «нажрался, надрался, нализался, напился как последняя свинья». Сравнение это с безобидным животным, не употребляющим алкоголь, совершенно неуместно и несправедливо. Свинья ни к водке, ни к коньяку, ни к другим горячительным напиткам пристрастия не имеет, а посему может быть достойной кандидатурой на должность председателя общества трезвенников, бывших беспробудных пьяниц.

У Эльвиры Самуиловны философствовать на эту деликатную тему времени не оставалось. Она спешила на работу и была занята заботами о себе любимой: причёсывалась, красила губы, натиралась кремом... Впрочем, не дело раскрывать тайны и секреты дамских туалетов... К тому же главное действующее лицо в этой главе не супруга Агафонова, а он сам, уважаемый редактор городской газеты «Бизнес-Козл», член вышеупомянутого общества трезвенников. Валентин Григорьевич не находил себе места от мучившей его головной боли и тошноты. Он страдал над унитазом в позовах жесточайшей рвоты, выворачивающей его нутро наизнанку. Шатаясь, выходил из туалета бледным, подавленным, проклиная себя за невоздержанность на именинах прокурора Недоносова.

– Всё, чёртова мегера... Больше не пью, – повязывая красный, «президентский», галстук, сказал он жене.

– Зарекалась свинья в грязи не валяться, – огрызнулась супруга из прихожей, надевая туфли. – Ты бы лучше подумал на досуге, как нам коттедж достроить... Где взять миллион? Эх, дура я, дура... Зачем за тебя замуж пошла? Писарчук жалкий... Борзописец с пустыми карманами... Редактор! Люди уже в Испании виллы имеют... Вон... Архитектор Разуваев на Кипре дворец построил, а ты в занюханном Кудряшевском бору дом не можешь до ума довести... Да что дом?! В спальне сто лет обои не меняли...

На этом «высокие» отношения закончились. Эльвира Самуиловна хлопнула дверью, и стук её каблучков поглотил лифт девятого этажа. В расстроенных чувствах, чуть живой лишь к полудню притащился Агафонов в редакцию городской газеты «Бизнес-Козл». В ожидании редакционной «летучки» у дверей кабинета «шефа» собрались литературные сотрудники, называющие себя «литрабами». Агафонов, торопясь войти в кабинет и глотнуть воды из кулера, спешно объявил:

– Все свободны! Летучки сегодня не будет...

Журналисты, очень довольные, что обошлось без придинок и нахлобучек редактора, вечно недовольного их материалами, быстренько разошлись. Кто дописывать статью, а кто якобы «брать актуальное интервью, писать репортаж», попросту сбежал домой. Валентин Григорьевич утолил жажду, приоткрыв дверь, высунулся в приёмную, потребовал:

– Ираида Карловна! Чаю мне цейлонского!

– Как всегда, покрепче? С лимоном? – заискивающим тоном спросила секретарь.

Валентин Григорьевич мотнул кудлатой головой и скрылся за дверью своего кабинета, обставленного старой, ещё советского времени мебелью. Ираида Карловна принесла чай и молча вышла. Агафонов, мучимый похмельным синдромом, уселся в потёртое кресло, взял стакан в подстаканнике, но прихлебнуть из него не успел: зазвонил телефон. Агафонов поднял трубку и услышал насмешливый голос однокашника по учёбе в университете прокурора Недоносова:

– Привет, старик! Ты живой после вчерашнего?

– Пытаюсь быть таким, – выдохнул в трубку перегаром Агафонов... – Чёрт меня дёрнул так кукушаться...

– Новость знаешь? Я только что подписал ордер на арест Разуваева... Попался на взятке в пятьсот тысяч долларов и с крупной партией героина... Представляешь, куда он спрятал деньги? В горшок с монстерой! От кого получил взятку, ещё предстоит выяснить, а кейс с наркотой, изъятый у него в шкафу, факт доказуемый... Так что можешь смело присылать ко мне своего корреспондента из отдела «Криминальная хроника»... Этого, как его?..

– Савелия Редькина...

– Во-во... Толковый парень... Я бы его в следственный комитет рекомендовал... Там следак по особо важным Надыбайлов ни рыба ни мясо... Приехал из командировки сегодня утром какой-то чумной... Небылицы рассказывает, будто с помощью Сатаны и чертей послал на Челябинск метеорит...

Недоносков расхохотался на другом конце провода.

– Такие, старик, дела... Ну так как, пришлешь Редькина?

– Нет... Я сам напишу о Разуваеве фельетон...

– Тебе виднее... Ну, пока...

Трубка запикала. Агафонов положил её на рычаг и чуть не заплясал от охватившей его радости:

– Надо же! Вляпался, вражина! Не устоял от соблазна лукавого! Ну, конь педальный! Теперь я на тебе отыграюсь! Мегера моя узнает, заткнётся... А то всё мне тычет: «У Разуваева дворец на Кипре...» Камера у него отдельная с видом на небо через решётку, со всеми удобствами: параша, нары, пыльная лампочка на потолке, «глазок» в железной двери... – Агафонов громко крикнул: – Ираида Карловна! Ко мне никого не впускать! Я работаю над фельетоном... Сенсационный материал!

Агафонов схватил шариковую ручку. Стержень в ней давно исписался. Он порылся в столе, нашёл другую ручку, но и она оказалась поломанной. Простой карандаш не годился для написания фельетона. Сожалея, что до сих пор не научился печатать двумя руками, Агафонов в нетерпении включил компьютер и начал писать фельетон, нажимая на клавиши пульта одним указательным пальцем. Он не написал ни одной строки, кроме заголовка «Мздоимец», набранного жирным шрифтом «Cambria» кеглем двадцать два. Редактор старательно напрягал все извилины головного мозга, но после вчерашнего застолья у прокурора Недоносова они, видимо, спрямились, и на ум не приходило ничего, кроме избитых газетных штампов: «взяточник», «лихоимец», «торговец белой смертью», «продажный чиновник» и всё в таком роде. А надо написать смешно, едко, задиристо, заковыристо! Такой жареный фактик раскрутить следует с полной силой! В самый раз напечатать фельетон в духе времени начатой в стране борьбы с коррупцией! Хорошо бы так закрутить, так завертеть, чтобы весь город со смеху угорел, читая его. А, чиновник! Попался, на острие журналистского пера!

Терзаемый муками творчества, Валентин Григорьевич покусывал кончик ногтя, придумывая едкие, язвительные фразы для незадачливого архитектора, бесславного героя сенсационного материала. И ещё у Валентина Григорьевича, как мы уже знаем, ужасно болела голова. Он вспомнил, как пил «на брудершафт» со многими гостями Недоносова, рюмка за рюмкой вливая в себя дорогой коньяк, и его чуть не стошнило.

– Перебрал лишнего... Дорвался до бесплатного... На халяву укус сладкий... Теперь вот страдай... Не надо было столько пить... Чтоб меня черти взяли и крокодилам скормили, – ругал он себя. И оправдывал: – Да как удержаться от дармовой выпивки? Когда ещё такая шара выпадет пить армянский коньяк как воду? Похмелиться бы... Несмотря на дружеские отношения с прокурором, не придёшь к нему, не скажешь: «Господин Недоносков! Плесни коньяку грамм сто!»

Редактор постучал одним пальцем по клавиатуре компьютера, и на экране монитора появилось предложение: «Поддавшись уговорам подлого, коварного Сатаны, наш герой не устоял перед соблазном лукавого, взял деньги... Полмиллиона долларов США!» Валентин Григорьевич не скрывал радости от ареста Разуваева. Дело в том, что не так давно он обратился к архитектору города за разрешением на строительство служебного гаража возле редакции, на что получил официальный отказ, мотивированный тем, что «вышеуказанный гараж не вписывается в архитектурный ансамбль города...». Валентин Григорьевич рассчитывал со временем приватизировать строение в свою личную собственность, затем продать и хапнуть за него крупную сумму денег. Получился облом. Валентин Григорьевич затаил в душе злость на чиновника, и вот теперь представился подходящий случай выместить её фельетоном. «Лукавый искуситель Сатана, уродец с семью головами и десятью рогами

завладел его алчной душой, страждущей богатства», – с удовольствием отстучал редактор новую фразу и сказал сам себе:

– Ду-рак набитый! Взял полмиллиона долларов и спрятал... Где?! В цветочном горшке! Глупее не придумаешь... Какой идиот хранит героин в собственном кабинете?! Эх... Мне бы эти полмиллиона долларов! Да ладно... Я не жадный... Согласен на миллион наших деревянных рублей... Хотел бы я знать, где тот Сатана, который предложит мне взятку в миллион? Ну, иди ко мне, мой дорогой лукавый! Эх... Если бы какой-нибудь чёрт лысый дал мне миллион... Перво-наперво я бы уехал... В Юго-Восточную Азию... Там тепло... Там ананасы и манго... В Таиланд, например... Джунгли, обезьяны, кобры, крокодилы, удавы... Всё увидеть своими глазами... Чёрт меня возьми! Как хочу я оказаться под тропическим солнцем! Ну почему лукавый соблазнитель пришёл к Разуваеву, а не ко мне?

Мечтая, Валентин Григорьевич отвлёкся от написания фельетона. Он преник взглядом к экрану монитора, но в этот момент в кабинет вошли двое: известный читателю лысоватый мужчина в очках, в спортивном костюме фирмы «Адидас», с орденом и тростью, в сопровождении красивой черноволосой девушки в длинном платье и в меховой накидке на оголённых плечах. Мастерски выделанная шкурка чёрно-бурой лисы серебрилась, сливаясь с блестящими волосами девушки, потряхивала пушистым хвостом и лапками с когтями, скалилась острыми зубами из расплющенной пасти, глядела дырками от глаз. На правом плече девушки, на подстилке из красного бархата сидела ворона, приглаживала клювом перья. В левой руке девушка держала чёрный кожаный чемоданчик-«дипломат». Агафонов, не поднимая головы, громко крикнул:

– Ираида Карловна! Я вас просил меня не беспокоить... Я работаю над фельетоном на злободневную тему... Вы слышали, уважаемые, я занят, – сухо обратился Валентин Григорьевич к вошедшим, поднял голову и... чуть не упал с кресла, увидев стоящих на ковровой дорожке худоватого мужчину, опирающегося на трость, с орденом на спортивном костюме, и красивую девушку с мехом чернобурки на плечах. Но более всего редактора «Бизнес-Козл» поразила непринуждённо сидящая на её плече обыкновенная ворона. Странные посетители, вошедшие без приглашения, мило улыбнувшись, приветливо поздоровались. Лысоватый мужчина в очках, в «адидасе» и с орденом, в белых китайских кроссовках, тряхнув рыжеватой козлиной бородкой, галантно произнёс:

– Имею честь представиться: граф Сивопупов-Крымский, собственной персоной, и моя дражайшая ассистентка Виола... Кстати, была фрейлиной при дворе императрицы Екатерины Великой, где я после морского сражения при Калиакрии служил в морском ведомстве. Прошу низжайше извинить меня, что я не при шпаге... Другие времена, знаете ли... Трость теперь заменяет шпагу... Мы только что из Парижа и сразу к вам, уважаемый редактор...

– Карр... Здрра-вствуйте, рре-дак-торр! – хлопая крыльями, крикнула ворона, слетела на пол и важно прошлась по ковру. Её глаза светились жёлтыми огоньками.

Агафонов обалдел от вида неожиданных посетителей и такого их представления. «То ли я так перепил вчера, что должен всерьёз воспринимать всякую чертовщину, то ли шизофреников черти занесли», – подумал Валентин Григорьевич и хотел уже позвать Ираиду Карловну, чтобы выставить сумасшедших посетителей за дверь, но respectable вид девушки с кейсом удержал его.

– Слушаю вас, господа... И что вас привело из Парижа в наш забытый Богом Козлодоевск? – не скрывая иронии, насмешливо спросил Агафонов. – Вы, надо полагать, бродячие артисты из цирка шапито?

– Смею вас заверить, Валентин Григорьевич, Козлодоевск Богом не забыт... И Сатаной тоже, который в названии вашего города видит для себя общие черты, а потому чрезвычайно озабочен: не все ещё горожане поддаются на уловки духа зла и повелителя теней, потому как Господь наделяет их верой для противостояния нечистой силе...

– Ну, вы мне эти байки не рассказывайте... Не верю я ни в Бога, ни в Сатану... Извините... Вы мешаете мне работать, – ответил Валентин Григорьевич, несколько озадаченный тем, что рыжий незнакомец обратился к нему по имени-отчеству. «Хотя... Спросил, наверно, в приёмной у Ираиды Карловны... Орден какой-то допотопный нацепил, времён Очакова и покоренья Крыма... Ходят тут всякие шизики, отвлекают от работы», – с издёвкой подумал Агафонов.

– Мы не вправе рассчитывать на вашу благосклонность, господин Агафонов, – сказал рыжий очкарик. – Но, Валентин Григорьевич, соизвольте предложить стул даме...

– Да, конечно... Пожалуйста, – придвигая девушке стул, засуетился Агафонов. – Готов выслушать вас, но только по существу... Без этих... Без отступлений о роли Бога и Сатаны в жизни нашего города.

– Как вам будет угодно, – поспешно затряс бородкой мужчина с орденом на «адидасе». – Но смею заметить, что вы совершенно правы: орденом я награждён за морскую баталию времён покоренья Крыма, а увечье ноги получил в битве с архангелом Михаилом... С тех пор и хромаю... Но поговорим о деле... Фельетон, который строчите вы, утоляя желание отомстить Разуваеву, не принесёт ожидаемого успеха, ибо напоминает пасквиль. Предлагаю напечатать рекламную статью об открытии нового ресторана «Виола», которая будет по достоинству оценена...

– Ресторан «Виола»? Не знаю такого... Где он?

– Построен на месте магазина «Хозтовары».

– Построен?! Но этого не может быть... Не далее как вчера я купил там пять рулонов немецких обоев для спальни... И пачку клея «Момент»...

– В наш век инновационных технологий всё возможно, дорогой Валентин Григорьевич. Был хозяйственный магазин, стал ресторан... Что ж тут удивительного?

– Да, но сроки... Фантастика какая-то... Вы что-то путаете, гражданин... Или как вы себя имеете: граф! – с сарказмом рассмеялся Агафонов. – Не морочьте мне голову.

– Посмотрите в окно, если сомневаетесь, – с хитрой улыбкой предложил Сивопупов-Крымский.

Редактор тоже улыбнулся, но другой, язвительной улыбкой. Встал, подошёл к окну и взглянул туда, где в течение многих лет привык видеть неказистое здание магазина. Агафонов зажмурил глаза, вновь открыл их, но видение грандиозного строения из стекла и бетона не пропало. И над ним огромная красочная вывеска: «Виола».

– Ничего не понимаю, – растерянно пробормотал Агафонов. – Когда успели? Ведь я вчера купил там обои...

– Да... Виниловые... С розовыми пионами... Но теперь там, как вы только что убедились, шикарный ресторан...

Ошеломлённого редактора не удивило, что незнакомцу известна расцветка обоев. Оторопело смотрел он в окно, соображая, как такое могло быть и почему столь примечательный факт в жизни города остался им не замеченным.

– А когда состоится это самое... открытие? – спросил Агафонов и взялся за отяжелевшую после пьянки голову: уж не сошёл ли он с ума?

– Сегодня вечером... А утром в «Бизнес-Козл» должна быть рекламная статья о праздничном банкете в новом ресторане «Виола».

– Но это нереально... Корреспонденту необходимо встретиться с обслуживающей ресторан... Взять интервью у гостей... У администратора... У вас, господин...

– Граф Сивопупов-Крымский...

– А как вас звать-величать?

– Люцифер, более всем известный под именем Сатана, царь тьмы, повелитель падших ангелов-демонов... К вашим услугам...

– Что вы такое несёте, господин... Лю... Люцифер? Царь тьмы и прочая чепуха... Так вот, я и говорю... Господин граф...

– Обращаться ко мне по светской этике принято не иначе как «ваше сиятельство».

– Простите... Граф... Ваше сиятельство, – со смешком сказал Агафонов... – Явились – не запылились... Наговорили небылиц... Практически невозможно сегодня вечером взять интервью, написать об этом и в поздний час сдать в набор.

– Вам не придётся утруждать себя и своих литературных сотрудников взятием интервью и написанием статьи... К чему вам лишние хлопоты? Вот готовая статья о банкете в ресторане «Виола»... Вам остаётся лишь слегка подправить, подчистить её и подписать своей фамилией...

– Поймите же, уважаемый... э... граф, – хихикнул Агафонов, – макеты будущих полос уже свёрстаны в электронном варианте и подписаны к печати... Полиграфисты скоро запустят машины, а тут вдруг подаётся статья в набор... Натё вам... Приехали, что называется... Нет, это тот самый случай, о котором говорят, что поезд ушёл... Никкак невозможно, чтобы ваш материал о сегодняшнем вечернем мероприятии был в завтрашнем утреннем выпуске газеты...

– Вы так считаете?

– Уверен...

Очкарик бросил быстрый взгляд на девуцу. Из глаз его, как показалось Агафонову, брызнули искры. Ворона на плече девушки захлопала крыльями, прокаркала:

– Карр... Рреклама... Ррес-торран... Рреаль-но... Карр...

Девуца поставила кейс на стол и раскрыла его. Ворона взлетела на стол редактора, прихорашиваясь, прошлась по нему. Её жёлтые глаза вспыхивали и тускло гасли. Тугие пачки банкнот предстали глазам опешившего редактора. Широко открытыми глазами он смотрел то на деньги, то на странных пришельцев.

– Вы мечтали, чтобы какой-нибудь чёрт лысый дал вам полмиллиона долларов... Не так ли, Валентин Григорьевич? Потом согласились на миллион российских рублей... Вот он... Получите... Расписки в получении не надо...

Агафонов, заикаясь и словно во сне, протянул ватные руки к кейсу. Рыжий очкарик с козлиной бородкой быстро прихлопнул крышку, придавил пальцы редактору.

– Э, нет, господин Агафонов... – промолвил Сивопупов-Крымский, приоткрывая крышку и освобождая пальцы редактора. – Сначала я хочу услышать ваше громогласное заверение о том, что статья о сегодняшнем открытии ресторана будет опубликована в завтрашнем номере газеты.

– Да... Я приложу все усилия... Обещаю выполнить вашу просьбу, – заплетающимся от волнения языком проговорил Агафонов.

– А теперь закрепим нашу сделку... Вы всё утро маетесь с перепоя большой головой... Испытываете неодолимое желание поправить её рюмкой-другой коньяка... Не так ли? Что ж... Извольте вкусить сей благородный напиток, – вкрадчиво улыбаясь, сказал граф Сивопупов-Крымский, блеснув стёклами очков, под которыми вспыхнули и погасли яркие искорки. Тряхнув рыжей бородкой, странный посетитель откинул руку назад и, как показалось Агафонову, из ничего взял бутылку коньяка.

– А вы прямо фокусник, ваше сиятельство, – с трудом выговорил Агафонов, потрясённый невиданным им зрелищем. – У меня просто нет слов выразить восхищение... Очень эффектно!

– А, пустяки... Если мне не изменяет память, с этим номером я выступал в цирке при дворе французского короля Людовика Четырнадцатого... Выпейте и оцените, – прихватывая бутылку белой салфеткой, выхваченной из-за спины, сказал Сивопупов-Крымский.

– Вот... «Дагестанский»... Пять звёздочек... Из лучших сортов кавказского винограда... Помните, столь же великолепный напиток я пил на свадьбе израильского царя Соломона и царицы Вирсавии.

Агафонов, не отводя жадного взгляда от бутылки, сглотнул слюну, облизнул пересохшие губы. Граф откупорил бутылку невесть откуда взявшимся серебряным штопором, изысканным жестом элитного официанта поставил коньяк перед изумлённым редактором. Тотчас на столе появились два хрустальных фужера и маленький бокальчик с золотым ободком. Граф наполнил их, вежливо поклонившись, с лукавой улыбкой придвинул фужер потерявшему дар речи Агафонову и подал бокальчик своей очаровательной ассистентке.

– Пейте, дорогой Валентин Григорьевич... Многолетней выдержки... Дубовая бочка с этим благородным напитком заложена в моём присутствии лучшими виноделами грузинской царицы Тамары.

– Карр, карр... В при-сутствии... царри-цы Тама-рры... – подтвердила ворона, важно прошаживаясь по редакторскому столу. – Карр, карр...

Граф и Виола слегка пригубили коньяк, а мучимый жаждой Агафонов сразу опорожнил свой фужер.

– А тот коньяк, что вы пили у прокурора Недоносова, вовсе не «Арагат», а дешёвка палёная... Спирт, разбавленный водой из крана, подкрашенный кофе, настоянный на скорлупе кедровых орехов и коре дуба... Правда, себя Недоносов потчевал фирменным коньяком, хотя, замечу, качество его не на должном уровне...

– Карр... Спиррт... Рраз-бавленный, – прокаркала ворона и принялась раздёргивать клювом голубой бант, завязанный на красивой конфетной коробке. Ещё минуту назад её не было на столе. Агафонов незаметно ущипнул себя за бок: уж не снятся ли ему чудеса?

Граф, шелестя обёрткой конфеты, улыбаясь, сказал:

– Нет, дорогой Валентин Григорьевич... Всё наяву... И ещё... Если вас, конечно, не затруднит разослать пригласительные билеты на сегодняшний банкет самым влиятельным, на ваш взгляд, гражданам Козлодоевска... Заполните эти билеты на своё усмотрение...

Сказав так, Сивопупов-Крымский протянул в сторону руку, и в ней оказалась пачка красочных бланков-приглашений с надписями: «Добро пожаловать в “Виолу”!»

– Ну, кажется, всё... Извините, Валентин Григорьевич, что отняли у вас драгоценное время... Успешной вам работы над фельетоном! И помните: не будет утром моей статьи в газете – я заберу миллион...

Сверкнув глазами, граф и его неотразимая помощница направились к дверям. Ворона, недовольно каркая, взлетела, махая крыльями, смела на пол лист с рекламной статьёй графа, уселась на плечо девицы. Взявшись за ручку двери, его сиятельство Сивопупов-Крымский обернулся и, поплёскивая платиновыми зубами, произнёс с милой улыбкой:

– Мечтаете о тайландских джунглях? О пальмах, удавах и крокодилах? Неплохое местечко для грешника, не верящего ни в Бога, ни в Сатану... Кстати, Сатаной в книгах Ветхого Завета называется падший ангел, испытывающий веру праведника. Пророк Иезекииль сравнивал его с херувимом, чьи одежды были украшены сверкающими драгоценными камнями... В переводе с иврита Сатана – «противник небесных сил»... Иногда его называют ангельским именем – Люцифер, переводимым как «светоносный, лучезарный». Он обитал в Эдеме среди огнистых камней, был печатью совершенства, полнотой мудрости и венцом красоты, но, возгордившись и пожелавши быть равным Богу, низвергнут Всевышним из Эдемского Сада на землю за то, что впал в грех гордыни. После падения стал князем тьмы, отцом лжи, предводителем тёмных ангелов в борьбе против Бога... Люцифер-Сатана – это ангел-обвинитель, служащий Всевышнему... Творец позволяет Сатане действовать в мире с тем, чтобы у человека был выбор между добром и злом. Царь теней прекрасен собой, может преображаться в ангела света, и потому люди, обольщённые им, без веры в Господа Бога, легко поддаются на его соблазны. Лукавый искуситель – да! Но никак не мерзкий уродец, каким вы представляете себе Сатану в своём фельетоне... Бывайте, Валентин Григорьевич... Честь имею...

Когда за ними закрылась дверь, Агафонов, забыв о фельетоне и обо всём на свете, кроме необычайного происшествия, только что свершившегося в его кабинете, несколько минут не мог прийти в себя. Он опять ущипнул себя, на этот раз сильнее, даже стукнул кулаком по лбу, желая удостовериться в реальности увиденного и услышанного. Но кейс с деньгами, бутылка коньяка, коробка конфет и бланки пригласительных билетов лежали на столе. Не веря глазам, он раскрыл кейс. Красные купюры достоинством по пять тысяч каждая плотными пачками лежали на зелёной бархатной подкладке. Агафонов легонько постучал ногтем по стеклу фужеров: послышался тонкий звон. На золотой кромке бокальчика краснел след от помады. На доньшке рдели остатки коньяка. Агафонов потрогал штопор с серебряной рукояткой, поворошил бумажные бланки приглашений на открытие нового ресторана, поднёс к носу конфету: пахнет шоколадом. Агафонов почти машинально прочитал надпись на коробке: «Красный октябрь». Всё было настоящим, ощутимым. Агафонов, чувствуя, что с ним творится что-то бесподобное и чтобы совсем не свихнуться, налил полный фужер коньяка, жадно выпил, заел конфетой с приятным запахом и отменным вкусом. «Московская фабрика, – подумал он. – А какой коньяк! Никогда такого не пил...» Миллион свалился неожиданно-негаданно, как снег на голову в жарком июле. «Нет... Правда... Это какой-то сон... Вот сейчас проснусь, и чемоданчик с деньгами исчезнет...» Агафонов нервно вскочил с кресла, запустил пальцы в тугие пачки пятидесяти тысячных купюр, поворошил их с приятной истомой. Нет... Всё наяву... Слышны голоса сотрудников за дверью... Ираида Карловна громко разговаривает с кем-то в приёмной... В соседнем кабинете звонит телефон... С улицы доносится гроыханье снегоуборщика... Хлопанье дверцами машин... В небе, оставляя за собой белую полосу, прогудел авиалайнер... Девочка ведёт на поводу маленькую собачку... Всё реально... Всё в действительности... Но ресторан, которого не было ещё вчера?! Агафонов, желая убедиться в обратном, уже в который раз откинул штору и выглянул на улицу. Его худшие опасения в том, что он не дружит с головой, подтвердились: магазин «Хозтовары» исчез, как корова языком его слизнула. Вместо него поплёскивало огромное здание ресторана «Виола», облицованное блестящими зеркальными плитами. Слева и справа от входа зеленели две стройные ели. Высокие хвойные деревья возле «Виолы» особенно поразили Агафопова.

– Ведь не было же их... Не было, чёрт меня возьми, – бормотал Агафонов... – Просто невероятно... Не выросли же они за одну ночь, – пожимал он плечами... – Или эти ёлки были здесь всегда, а я их не замечал?.. Странно... Что у меня с памятью? Или я после коньяка ничего не соображаю?

Более всего в эту минуту на психику Валентина Григорьевича давило абсолютное равнодушие жителей. С безразличным видом козлодоевцы проходили мимо нового ресторана и пушистых хвойных красавиц. Спокойное шествие горожан по тротуару лишней раз подтверждало, что с головой у редактора не всё в порядке. «Да... Ёлки вполне могли быть... Я не обращал на них внимания... Но хозяйственный магазин? Вчера в полдень покупал там обои...» Агафонов хотел позвать Ираиду Карловну и спросить у неё о новом ресторане и о елях, растущих напротив редакции, через дорогу, но посчитал, что вопрос покажется ей глупым, и передумал спрашивать. Валентин Григорьевич потёр виски, напрягая память, пытаясь вспомнить какой-нибудь эпизод, когда он прогуливался мимо ресторана и этих высоченных елей, но мысленно видел одну и ту же картину: обшарпанное здание хозмага и десятка полтора припарковавшихся перед ним легковых автомобилей. Никаких башенных кранов для строительства ресторана, никаких елей он припомнить не мог... «Мистика какая-то... Вот так люди и сходят с ума, – расстроено подумал Валентин Григорьевич... – Миллион... Откуда взялись эти подозрительные личности? Старинный орден... Ворона... Отвалить такие деньжищи за рекламную заметку! Впрочем, переделка газетного номера, перезагрузка полиграфа стоит денег... Но не миллион же!»

Агафонов неохотно запихнул кейс в ящик секретера, испытывая неодолимое желание вновь вытащить чемоданчик и ворошить в нём красно-розовые банкноты... А ещё он не отказал бы себе в удовольствии пересчитать деньги... Редактор с огорчением подумал о неминуемых расходах в связи с изменением газетной полосы, на которую дежурный по выпуску Редькин поставит заметку сомнительного графа. Рассчитываясь с типографией, с печатниками, придётся потратить деньги из кейса... Тогда в нём уже будет не миллион...

Агафонов снова сел за фельетон, но мысль о миллионе в кейсе, что лежал в нижнем ящике секретера, не давала ему покоя. Ещё не до конца поверивший в чудо, он вставал, ходил, снова садился. Что-то скажет теперь зловредная Эльвира, когда узнает про миллион?! Сказать – не сказать ей? Не выдержал, вытащил из кармана сотовый телефон, порываясь поделиться сногшибательной новостью с женой. Вспомнил её оскорбительные слова, сказанные презрительным тоном, холодную воду, вылитую ему на голову, и раздумал звонить. Вдруг спохватился: обещал напечатать рекламную статью об открытии ресторана «Виола»! А главное, чтобы газеты с ней пошли в розницу и по адресам подписчиков уже завтра утром после сегодняшнего вечернего банкета. Тираж скоро начнут печатать... Надо успеть вставить в номер статью Сивопупова-Крымского... В противном случае тысячи готовых экземпляров придётся сдать на макулатуру и всё печатать заново... Заплатить полиграфистам за дополнительную работу... За ночь сделают... Задача не из лёгких... Но её надо выполнить, иначе, как поставил условие так называемый граф, он заберёт свой миллион обратно... Ресторан «Виола»... Что-то ничего не слышал о таком... А куда же делся магазин «Хозтовары»? Скорее всего, без махинатора Разуваева и его сообщников из мэрии здесь не обошлось... Вот жуки навозные! Втихомолку Разуваев хотел провернуть аферу! Не вышло... Сидеть тебе, друг ситцевый, на дощатых нарах лет эдак... Тут захмелевший Агафонов обеспокоенно забегал по кабинету: «В ненадёжном месте лежит кейс... Вдруг воры или налоговики нагрянут... Куда деть деньги? Не бежать же с ними в сбербанк... Там заподозрят... Сообщат в полицию... Не прятать же его в горшок с монстерой, как Разуваев... Да и домой нести нельзя... По дороге ограбить могут... Жена узнает о деньгах... Как же быть с ними?» Вздрагивая при каждом стуке дверей редакционных кабинетов, Валентин Григорьевич не нашёл ничего лучше, как переложить деньги в свой потёртый портфель из крокодиловой кожи. Пустой кейс затолкнул в платяной шкаф, а портфель уложил в нижний выдвижной ящик секретера. Фужерам и бутылке с недопитым дагестанским коньяком нашлось место в серванте. Распечатанную коробку с конфетами и пачку пригласительных билетов Агафонов вручил вспыхнувшей от счастья секретарше.

– Будьте добры, Ираида Карловна, срочно заполните их фамилиями всех начальников нашего города, их замов, директоров предприятий и фирм, руководителей служб и ведомств... И немедленно вручите нарочными по месту работы всем приглашённым на сегодняшний вечерний ужин в новом ресторане... Обзвоните всех! Никого не пропустите!

– Хорошо, Валентин Григорьевич... Я сию минуту займусь вашим безотлагательным поручением...
– Кстати... Эти двое, которые только что вышли от меня... Вы отметили их в журнале посещений редакции? Кем они вам представились? – как можно более безразличным тоном и как бы между прочим поинтересовался редактор.

Ираида Карловна удивлённо вскинула на шефа подведённые косметической краской глаза под вздёрнутыми ниточками выщипанными бровями.

– Какие двое?! Никто к вам не входил и не выходил от вас... Я в приёмной с самого утра... Нет... Никого не было, – смущённо пожала плечами Ираида Карловна, усмехнувшись в душе: «Подшофе шеф... Коньяком разит за версту... В одиночку нахлестался, а приплетает двоих собутыльников...»

Сожалая об отданных конфетах, Агафонов вернулся в кабинет, открыл дверцу серванта. Бутылка с дагестанским коньяком завораживающе отливала тёмным янтарём, пленила нарядной этикеткой. Агафонов налил полный фужер и жадно выпил.

– Я миллионер... Скажи кому – не поверят... Да я и сам ещё не верю... Всё как в кино... Как в сказке... Или во сне? Может, я не проснулся? Какой чудесный сон...

Агафонов выдвинул ящик секретера, достал толстый портфель, расстегнул его, поворошил деньги...

– Нет... Вот они, денежки! Как приятно пахнут... Это неправда, что говорят, будто деньги не пахнут... Так бы сидел и нюхал их и любовался ими... Не приснились! Нежданно-негаданно – и вдруг на тебе! Я самый что ни на есть всамделишный миллионер! Да с такими бабками я теперь могу, что захочу... В Таиланд, в джунгли улететь... Мечту детства осуществить... Настоящего крокодила в природе увидеть, а не портфель из его кожи...

Редактор неохотно закрыл раздутый портфель, пихнул под стол, обхватил ногами, чтобы чувствовать его. Вдруг на глаза попался неряшливо выдранный из школьной тетрадки листок, исписанный неровным, неразборчивым почерком, валявшийся на полу. Агафонов поднял его, разгладил ладонью на столе.

– Статья Сивопупова-Крымского... Этого богатенького фокусника... Чёрт лысый! За графа себя выдаёт... Да мне-то по барабану... Посмотрим, что он тут нацарапал как курица лапой... А ещё корчит из себя графа... Его сиятельство граф Сивопупов-Крымский, – презрительно скривился Агафонов. С трудом разбирая слова рукописной информации, громко названной «статьёй», он прочёл: *«Вчера состоялось торжественное открытие нового ресторана “Виола”. На праздничном вечернем банкете присутствовали лучшие труженики города, честные граждане, добросовестные работники и самые добропорядочные руководители. Гости ели, пили и веселились за счёт заведения. Повара и официанты порадовали почётных посетителей фирменными блюдами и отличным обслуживанием. Добро пожаловать, козлодоевцы, в новый ресторан! “Виола” ждёт вас!»*

– Хм... Да что тут править, подчищать, исправлять? – с довольной ухмылкой стал набирать редактор рукописный текст на компьютере. Распечатал на принтере и подписал ещё горячий лист своей размашистой подписью.

– Ираида Карловна! Где у нас литературный сотрудник Савелий Петрович Редькин? В типографии? Дежурный по номеру? Очень хорошо... Сейчас же позвоните ему и пригласите ко мне! Срочно!

ГЛАВА 5

«Литраб» Савелий Редькин

Весна близко... Через недельку-другую, глядишь, зазвенят капли, зажурчат весёлые ручьи и всё на земле возрадуется яркому свету и живительному теплу. В то февральское утро с пронизывающим ветерком и лёгким морозцем, в которое, собственно, и началась в Козлодоевске непонятная кутерьма, литературный сотрудник городской газеты «Бизнес-Козл» Савелий Редькин оставался одним из немногих жителей этого ничем не примечательного городка, не разделявших всеобщего восторга близкой весны. У корреспондента отдела «Криминальная хроника» ломил зуб и от невыносимой боли меркло в глазах. Проклятый коренник ныл, в висках стучало молотками так сильно, что отдавалось... Впрочем, лучше не нагнетать обстановку дальнейшим описанием зубной боли, поскольку трудно найти человека, не испытавшего её. Однако нет ничего приятнее, когда она про-

ходит. Савелий проглотил пару таблеток пенталгина, но обезболивающее средство не помогло, и он решительным образом зашагал в стоматологическую поликлинику. На половине пути в это самое тоскливое лечебное заведение, хотя радостных больниц вовсе не бывает, репортёр криминальной хроники остановился в нерешительности, прикрывая ладонью припухшую щеку. Было над чем ему призадуматься. На посещение платной «Дента-сервис» не хватало денег, а идти в общую городскую поликлинику не доставало мужества. На миг он представил себя на пытке жужжащим сверлом под сердитым взглядом усатого мордворота-врача, и ему сделалось дурно. Не лучшее воспоминание было связано с дёрганьем зуба крепким молодцем в белом халате с широкими плечами и волосатыми руками. Стонущего, ойкающего, дрожащего Савелия хмурый доктор уложил на кушетку, придавил к лежаку коленом и выдрал... здоровый зуб вместо больного.

– Чёрт бы побрал этот паршивый зуб! – громко выругался Савелий.

– Бе-е... Бе-е... – послышалось ему, но поблизости не было блеющих коз или овец. «С чего бы им быть в городе? Да и время зимнее... – подумал Савелий, с недоумением поглядывая по сторонам... Странно... Так отчётливо проблеял поблизости козёл...»

Боль почти сразу утихла. Редькин вспомнил, что сегодня назначен дежурным – ответственным за выпуск в типографии свежего номера «Бизнес-Козл». Оправдывая свою боязнь перед стоматологами городской поликлиники необходимостью дежурства в типографии, он решительно повернул в обратную сторону. «Удалю как-нибудь в другой раз... Получу гонорар за публикацию в альманахе и сразу в платную клинику пойду», – размышлял Савелий на пути в редакцию «Бизнес-Козл».

Отрывок из рукописи его исторического романа о Джордано Бруно, напечатанный в альманахе «Время и жизнь» в декабре прошлого года, не принёс Савелию Редькину долгожданный и очень нужный ему гонорар, зато доставил немало огорчений и разочарований, вызванных нападками завистливых критиков. Приведём содержание отрывка полностью со всеми редакционными поправками, дающего некоторое представление о мрачных событиях четырёхсотлетней давности и возможность читателю самому оценить правдивость их, язык и стиль повествования, палитру красок автора. Выхваченную из романа главу напечатали под заголовком «В римских подвалах». Так ли уж справедливы критики в своих оценках, судить вам, читатели.

«В РИМСКИХ ПОДВАЛАХ»

(Глава из романа С. Редькина «Восставший из пепла». Печатается в сокращении)...

Смоляной факел с треском разбрасывает искры, освещая сырое, мрачное подземелье храма Святого Петра в Риме. Чёрные мятущиеся тени островерхих балахонов, в которые запахнулись три священника-инквизитора, зловеще колышутся на мокрых стенах. Слышно, как в тишине, под сводами глубокого подвала, размеренно шлёпают капли. Душераздирающие крики... Запах горелого человеческого мяса... Удушливый дым от жаровни с раскалёнными орудиями пыток... Кипящее в котле масло... Распростёртые на крючьях обнажённые тела... Подземелье суда инквизиции больше напоминало преисподнюю Сатаны, чем церковное помещение для допросов инакомыслящих людей, прозванных еретиками. Огромного роста палач погромывал железом, поскрипывал деревянными винтами тисков, сжимая в них пальцы жертв, постукивал молотками и дробилками по костям страдалцев, обвиняемых в ереси по чьему-либо ложному доносу. Мучители зажимали в давилки руки жертв, и тогда слышался хруст ломаемых костей. Упрямец, не желающий признаваться в колдовстве, в отступничестве от веры в Бога, били плетью и палками, прижигали раскалёнными железными прутьями. Ноги несчастных медленно опускали в кипящее масло, у которых были вырваны языки, только хриплое мычание выдавало их муки. Чтобы страдалцы не мешали инквизиторам вполголоса вести беседы на разные житейские темы, жертвам затыкали рты кляпами, и обвиняемые, захлёбываясь кровью, содрогались в судорогах нечеловеческих страданий. Потерявших сознание отливали студёной водой из подземного источника, журчащего в глубине подземелья, приводили в чувство, и пытки продолжались до тех пор, пока потерявший рассудок человек не сознавался во всех смертных грехах. И если, претерпев все муки, оставался жив, путь ему из подземелья был заказан один – на костёр! Ведь на суде инквизиторов он признал себя виновным!

– Будем продавать индульгенции на отпущение грехов... Эти никчемные и дешёвые листы пергамента с нашими печатями принесут нам немалый доход, – раздался приглушённый ладонью простуженный голос главного инквизитора.

– Да, ваше преосвященство. Теперь денежки потекут к нам обильной рекой... Храни, Господи, нашего светлейшего папу Климента, отпускающего грехи нечестивцам за деньги, – тихо добавил другой священнослужитель. – Наконец-то я открою свой приход в местечке на окраине Рима... А по какой цене будем отпускать грехи?

– Папа Климент Восьмой определит, сколько...

Душераздирающий крик не дал договорить.

– Заткни глотку этому еретика, Жако...

– Слушаюсь, ваше преосвященство! – рывкнул здоровенный детина с толстыми ручищами, в забрызганном кровью фартуке, прикрывавшем могучую волосатую грудь. Оскалив выпирающие из-под мясистых губ кривые зубы, палач с тупым равнодушием взял маленький медный ковш, зачерпнул из котла кипящее масло и влил в рот жертве. Несчастный страдалец, прикрученный верёвками к дубовому столу, заорал ещё сильнее, забился в предсмертных судорогах.

– Жако! Да уйми же этого проклятого вероотступника! – раздался всё тот же хриплый, простуженный голос одного из мздоимцев в монашеском одеянии.

– Простите, ваше преосвященство! Сейчас утихомирю этого не в меру крикливого буяна...

Палач не торопясь взял молоток, примериваясь, постучал им по лбу кричащего и нанёс короткий, но резкий удар. Стало тихо. Где-то внизу струился подземный поток. Звонко падали в лужицы капли влаги, нависшие на стенах.

– Да... Кстати... Этот крикун... Кто он?

– Богатый ростовщик, ваше преосвященство... Поместье в Генуе... Торговое судно... Дом в Риме... Банки в Неаполе... В Венеции... Его состояние оценивается...

– Можете не продолжать, брат Адриано... Оно будет конфисковано в пользу церкви... А те двое, подвешенные на крючьях?

– Голодранцы, ваше преосвященство... Тот, который висит в левом углу, некий доминиканский монах Джордано Бруно, отвергший веру в беспорочное зачатие Христа Девой Марией... Проповедует сатанинское учение о том, что Земля – шар и крутится вокруг Солнца... Высмеивает в своих антиклерикальных сочинениях католическую церковь... Не признаёт иконы... Звездочёт... Утверждает, что...

Инквизитор в монашеском одеянии понизил голос, притворно перекрестил себя пухлой ладонью.

– Простите, ваше преосвященство... Этот негодяй... Да простит мне Бог его презренные слова... Распространяет ереси о том, что не Бог создал природу, а природа создала Бога...

– Достаточно... Даже одного из этих обвинений достаточно, чтобы отправить мерзавца на костёр... Клеветать на Деву Марию! Опровергать Святое Писание – Библию! Чудовищно! А тот, который в правом углу? – покашливая, хрипло проговорил мздоимец в монашеском одеянии и, судя по льстивому к нему обращению двоих остальных, главный дознаватель. Он же обвинитель и судья.

– Верный ученик еретика Бруно... И под пытками не отрекается от своих дьявольских рассуждений... Нищий на паперти и тот богаче его... Нечего с него взять... Но, клянусь святым Франциском, он уже отдал Богу свою скверную душу, так и не раскаявшись...

– Довольно, брат Адриано... Этого Бруно я допрошу сам... Я заставлю его при всём народе на площади Рима громогласно отказаться от своих зловердных высказываний...

Изуверы инквизиции, жестокосердные защитники католических канонов, прикрыв бритые затылки красными атласными шапочками, млели от удовольствия, глядя, как мыслитель Средневековья корчится, извивается червяком, брошенным на муравейник. Они наверняка удивились бы изощрённым пыткам двадцать первого века, восхитились бы искусству наших современников причинять жертвам страдания, выбивая из них признания, не прилагая на то особых усилий. Разжиревшие подобно хорошо откормленным свиньям, обрюзгшие священнослужители, в чёрных плащах с капюшонами, наделённые властью казнить или миловать, несомненно, оценили бы преимущество электричества перед пылающей жаровней, на которой накаливались щипцы, клещи, оковы и прочие страшные орудия пыток – неперменные атрибуты средневекового допроса. Главный инквизитор в чёрном плаще с капюшоном, с лоснящимся от жира лицом, подступил к безжизненно висящему Бруно, с издёвкой спросил:

– Безумствуешь, проклятый еретик?! Ишь, что выдумал: Земля, круглая как шар, и вертится вокруг Солнца! Богохульствуешь над Библией! Попираешь законы святой церкви! Народ баламутишь мерзкими разговорами, сбиваешь верующих людей с праведного пути! Отрекись, упрямец, от ереси!

Теряя сознание, Джордано не проронил ни слова. Одутловатое лицо главного инквизитора, обгоревшее красным светом углей в жаровне, налилось злобой.

– А, чёрт лукавый! Прикидываешься, что не слышишь... Сейчас я приведу тебя в чувство...

– Бе-е... Я здесь! Я слышу! Бе-е... – раздался насмешливый голос за спиной инквизитора. Он испуганно оглянулся, но никого позади себя не увидел. Двое других служителей церкви, накиннув на головы капюшоны, в суровом молчании перебирали в руках чётки. Главный инквизитор осторожно потянулся к раскалённым клещам, намереваясь взять их поудобнее, так, чтобы не обжечься. Кто-то невидимый подтолкнул его. Он нечаянно схватился за горячий металл, уронил клещи, дико взвыл:

– Ой, больно! Чёрт дёрнул меня самому прижигать еретика пятки! А всё ты, Жако! Не мог справиться с этим богохульником! Смотри у меня... Ой, больно...

Священнослужитель плясал, прыгал на одной ноге, дул на обожжённые пальцы и наконец сунул руку в бочонок с водой. От боли у него потемнело в подслеповатых глазах. Ему даже показалось, что вода в бочке закипела, забурилась кипятком от горящих, как в огне, пальцев.

– Чёрт меня побери! – задыхаясь от нестерпимой муки, выкрикнул главный инквизитор. – Чёрт... меня побери!

Раздался жуткий хохот, напоминающий ночные крики филинов и отвратительных гиен. Дребезжащий голос не проговорил, а проблеял главному инквизитору в ухо:

– Я здесь, неутомимый и ревностный служитель папы Климента! Я охотно заберу тебя! Ведь ты действительно просишь... Преисподняя Сатаны всегда к услугам грешников...

На какой-то миг главный инквизитор забыл об ожоге. В безумном страхе отшатнулся он от холодной стены подземелья, плачущей слезами вечной влаги. На мокрых камнях, в отблесках чадающего факела главный инквизитор увидел косматую тень, не то свою, не то какого-то хвостатого чудовища с длинными ушами и с короткими рожками. Да-да... Именно с хвостом и с рожками, что бросило много, не истинно верующего священника в жар, несравненно более ощутимый, чем ожог пальцев. Он успел подумать, что, быть может, тень его собственная, но козлиный голос, хихикая, спросил:

– Бе-е... Хи-хи-хи... Каково бедному Джордано? Хи-хи-хи... Ты поймёшь его муки, когда будешь плясать на сковороде...

Главный дознаватель, обвинитель и судья в одном лице отпрянул ещё дальше от стены, бросая безумные взгляды на других инквизиторов, ища в них поддержки и спасения. Священники, скрестив на груди руки, молчаливо стояли, наслаждаясь муками Бруно. Но теперь почему-то их стало трое. Крайний из них, в балахоне до пят, повернулся, украдкой посмотрел из-под надвинутого на лоб капюшона. Искрами сверкнули глаза. Кроме этих горящих алмазами глаз под капюшоном не было ничего, что присуще лицу: ни носа, ни губ, ни щёк, ни бороды – одна пустота. Ополумевший главный инквизитор бросился к железной, кованой двери, рванул её за тяжёлое кольцо, загромычал башмаками по гранитным ступеням винтовой лестницы. У самого выхода из подземелья истеричный хохот настиг беглеца. Он почувствовал, как ткнулись в бока острые копыта, лохматые руки подхватили с двух сторон и поволокли бесчувственное тело в мрачную темноту...»

Отрывок из рукописи, напечатанный в альманахе, вызвал волну злопыхательских откликов, затопившую надежду на публикацию всего романа.

– Редькин опозлил служителей храма Святого Петра, – возмущались козлодоевские католики.

– Это святотатство! Наводить тень на Пресвятую Богородицу грязными словами из поганых уст еретика! – выражали недовольство православные священники. Редькина обвиняли в незнании истории, в искажении фактов, в «литературщине», лишённой художественности, в отсутствии связи с современностью. Один критик так разошёлся в своей пространной рецензии, что назвал «климентщиной» беспристрастное изображение образа папы Климента Восьмого и тяготение автора к теме инквизиции. Как образно выразился один из читателей альманаха: «Разбушевавшиеся козлодоевские критики не оставили от “Римских подвалов” камня на камне...»

Как бы не показалось странным, но мысль написать роман о непреклонном философе-мученике, сожжённом в Риме на костре инквизиции 17 февраля 1600 года, озарила Редькина... в общественном туалете. И вот как всё было...

Свою репортёрскую работу в отделе «Криминальная хроника» Редькин не то чтобы не любил... Нет... Он её просто терпеть не мог. Лавры писателя не давали Редькину покоя, но как не ломал он

в раздумье голову над сюжетом своего будущего произведения, ничего путного на ум не приходило. Возможно, так бы и остались неосуществлёнными планы задуманного им грандиозного прозаического произведения, если бы однажды, а точнее 17 февраля, в годовщину казни монаха-доминиканца, Редькину не приспичило забежать в привокзальный сортир. Конечно, будь у репортёра хоть немного денег, он предпочёл бы воспользоваться услугами приличного платного туалета. Терпению приходил конец, и бедному журналисту ничего не оставалось, как порадоваться общественному. К своему неопишуемому ужасу Савелий не обнаружил в сортире туалетной бумаги.

– Вот чёрт! – выругался Редькин и хотел добавить несколько крепких словечек в адрес вокзального сервиса, но услышал насмешливо-хриплое блеянье за спиной.

– Бе-е... При чём здесь я?! Бе-е... Где ты видел, Савелий Петрович, туалетную бумагу, мягкую как пёрышко, в общественном сортире? Бе-е... Разуи глаза, Редькин... Газета у тебя в левом кармане... Пользуйся на здоровье...

Савелий вытаращил глаза от изумления. Раздались шаги, хлопнула за кем-то дверь.

– Кто-то знакомый был в соседней кабинке и видел, как я входил... Иначе откуда ему известна моя фамилия? Да... Но газета? – пробормотал Редькин. – Не было её у меня...

Свежий номер «Бизнес-Козл» и в самом деле торчал из кармана куртки. Подумал: «Наверно, я прихватил газету у себя в кабинете и забыл про неё...» Сминая газетный лист, Редькин обратил внимание на заметку, напечатанную под крупным заголовком «На костёр за убеждения». Наталья Беликова, корреспондент отдела городской жизни, за неимением материала, «заткнула дыру» в газете интернетовским сообщением, напомнившим о дне памяти Джордано Бруно.

– Инквизиция... Казни... Жизнь, принесённая в жертву передовым идеям... Исторический роман о мракобесии Средневековья! Сегодня семнадцатое февраля... День сожжения Бруно на площади Цветов в Риме... Фу, чёрт! Как я раньше не догадался?! – воскликнул Редькин.

– Бе-е... Хи-хи-хи... Ты хотел славы, Редькин? Ты получишь её... Вспоминай чёрта чаще... Бе-е... Хи-хи-хи, – опять услышал Савелий скрипучее хихиканье.

– Кто здесь? – вздрогнув, спросил Редькин.

Никто не ответил ему. Торопливо натягивая на бегу штаны, перепуганный литсотрудник опрометью бросился вон из туалета. Так родилась идея создания романа «Восставший из пепла», отданного на растерзание редакционным клеркам альманаха «Время и жизнь». Ничего лучше сделать там не могли, как только дать отрывок, бездумно выхваченный из романа, как страница из «Бизнес-Козл», безжалостно вырванная Редькиным 17 февраля в общественном нужнике. Тем не менее после напечатанного в альманахе отрывка из романа коллеги и авторы приносимых в редакцию рукописей уважительно стали именовать его Савелием Петровичем, но сам он, несмотря на поднявшийся ажиотаж вокруг публикации о Бруно, планку личной успешности поднимал не выше уровня двух баллов. Столь низкая самооценка определялась отсутствием у него семьи, квартиры и автомобиля. Скучная заработная плата, невыразительное лицо, которое не запомнишь, даже если долго смотреть на него, невысокий рост также снижали рейтинг Савелия Редькина в его собственных глазах. Но главным фактором неудовлетворённости являлась безвестность среди читающей публики. Коротенькие репортажи, статейки на криминальные темы не нашли должного отклика в сердцах читателей «Бизнес-Козл». Выпускник факультета журналистики одного из престижных университетов страны, Савелий Редькин корпел над чужими заметками и рассказами, чаще всего бездарными или написанными графоманами. Исправляя, дополняя и заново переписывая их, Савелий с грустью думал, что года идут, а сам он ничего путного не создал. Подготавливая к печати низкопробные материалы гонористых нештатных авторов, возомнивших себя писателями, Савелий Петрович не без основания полагал, что он, Редькин, намного талантливее и способнее их. Несмотря на злопыхательские нападки козлодоевских критиков, растрепавших отрывок из романа подобно безжалостным сеттерам, поймавшим куропадку, Савелий не терял веры в издание своей книги, которая займёт достойное место на полках библиотек рядом с произведениями маститых классиков. Рукопись романа «Восставший из пепла» о Джордано Бруно отдана в издательство «БукЪвица» год назад. Где-то в глубинах редакционных пещер решалась судьба будущего бестселлера. Где-то в глубинах души Редькина, в самых сокровенных и потаённых её уголках, теплилась надежда на публикацию романа о несгибаемом, мужественном борце за знания, взошедшем на костёр, но не отрекшемся от своих убеждений. Эта слабая надежда не затухала потому, что в альманахе «Время

и жизнь» печатались слабые, скучные, малоинтересные вещи, и Савелий Петрович удивлялся тому, с какой лёгкостью «главный» даёт «добро» на их публикацию.

– А уж мой-то роман не должен загубить издатель – главный редактор альманаха, – вслух размышлял в это ветреное февральское утро Савелий Редькин, направляясь в редакцию «Бизнес-Козл» по обыкновению пешком. Журналист-криминалист Редькин не догадывался, что бесталанные вещи печатались в альманахе за хорошие деньги. Желая пропиарить себя, накопает богатенький делец белиберду, сунет главному редактору взятку, и вот «шедевр» беллетристики готов. За деньги его расхвалят критики, дадут хвалебные отзывы, проведут с автором беседу перед телезрителями. Читайте! Завидуйте! Я – писатель!

Добираться в редакцию «Бизнес-Козл» на «своих двоих» приходилось «литрабу» в целях экономии своего тощего бюджета, так как до получки было далековато, а кошелёк заполнили визитки, старые квитанции и магазинные чеки. В этом бесполезном бумажном хламе лишь банковская кредитная карта по праву занимала отдельный, с «молнией», кармашек. Но не скоро на табло банкомата высветятся цифры начисленной зарплаты. На личном счёте в сбербанке у Савелия Редькина хранилось двадцать тысяч рублей, о которых бедный корреспондент запретил себе даже думать. Он задался целью накопить триста тысяч рублей, необходимых для платного издания своего романа. От каждой получки он отрывал по тысяче, отказывая себе в зубной пасте, в конфетах, в новых носках и других мелочах. Брился старыми лезвиями, экономил на туалетной бумаге, ходил в протёртых джинсах и клетчатом пиджаке, в драных кроссовках ради великой цели издать книгу. Пройтись по проспекту Народовольцев выгодно ещё и потому, что можно не торопясь, на свежую голову предаваться обсуждениям страниц своего романа.

К своим неполным тридцати годам Савелий прошёл большую жизненную школу, одного класса которой с лихвой хватило бы на чью-то унылую, однообразную жизнь. Отслужил торпедистом на дизельной подводной лодке Северного флота, потерпевшей аварию, чуть не утонул в зимнем Баренцевом море, выходил из неё на поверхность в индивидуальном дыхательном аппарате. Плавал мотористом на рыболовном сейнере. Во время шторма был смыт за борт. Ухватившись за бочку, чудом оказавшуюся поблизости, три дня болтался в океанских волнах, где его, умирающего от жажды и голода, чуть не разорвали акулы, но, к счастью, спасли моряки японского танкера. Работал оперуполномоченным уголовного розыска. В смертельной схватке с бандитами был тяжело ранен и комиссован из органов внутренних дел. Во время отпусков ему довелось участвовать в медвежьих охотах, и после одной из них Савелий месяц провалялся в больнице. Проворный зверь крепко саданул его когтистой лапой. Заблудившись в тайге в мороз, он едва не погиб, отбиваясь от волков, и, обессиленный, благодаря случайно набредшему на него охотнику не замёрз, заснув в снегу. Любитель экстремальных приключений, Савелий сплавлялся в одиночку по бурной реке, поднимался на горные кручи. В аэроклубе Редькин летал на планере и не мог отказать себе в удовольствии прыгнуть с парашютом. Со спелеологами отчаянный Савелий спускался в холодные и глубокие пещеры, а с дайверами нырял в акваланге к затонувшему старинному паруснику. Он множество раз дрался с хулиганами и всякого рода подонками, вступаясь за слабых и беззащитных. Казалось, никто, ничто и нигде не может испугать безрассудно-смелого Савелия Редькина. О себе он так и заявлял с некоторой бравадой:

– Меня можно убить, покалечить, но нельзя испугать.

Говоря так, Савелий лукавил. Самому себе он мог признаться, что чувство страха ведомо ему. Савелий Редькин боялся Бога. Много всего испытывший и чудом уцелевший во многих рискованно-отчаянных ситуациях, Редькин стал православным христианином, не сомневающимся в том, что во всех смертельных случаях жизнь ему сохранил Господь. С благодарностью Богу Савелий Редькин бережно носил свой нательный серебряный крестик, освящённый в церкви самим настоятелем собора Пресвятой Богородицы протоиереем отцом Захарием. Не зная молитв, Савелий мысленно обращался к Богу с просьбой спасти и сохранить его от всяких напастей и простить ему грешные поступки, которых немало совершил по глупости. Он со стыдом признавался самому себе, что испортил жизнь Танечке, весёлой хохотунье с веснушками и с ямочками на миловидном лице. Бойкая, наивная простушка работала поваром в столовой, куда однажды забрёл голодный студент, получивший стипендию. Савелий взял тогда рыбу минтай с картофельным пюре, чай и кусочек хлеба, отводя глаза от котлет, пельменей, оладий со сметаной, блинов с мёдом и всякой другой вкуснятины, выставленной

на раздаче. Глядя, как парень считает копейки на ладони, Танечка, выставлявшая тарелки с салатами, засмеялась, показывая ровные белые зубы.

– На таком скудном пайке, студент, скоро останутся от тебя только кожа да кости! – И поставила ему на поднос борщ, пельмени, компот.

Савелий не успел возразить, как Танечка крикнула кассиру, не обращая внимания на посетителей столовой:

– Тётя Маша! Студенту не пробивай!

Савелий от стыда был готов сквозь землю провалиться. Красный от смущения, пронёс поднос мимо кассира, не уплатив деньги. Наелся досыта и, убирая за собой посуду, сказал Танечке «спасибо».

– Заходите ещё! Мы рады вас обслужить, – приветливо сказала девушка. Рыжеватые кудряшки вились у неё из-под накрахмаленной белой косынки. И Савелий, не стесняясь более, спешил из университета в столовую, набирал полный поднос блюд и смело двигался с ним мимо улыбающейся кассирши. Работники столовой любили трудолюбивую, весёлую Танечку, желали ей счастья и воспринимали Савелия как её избранника и вероятного жениха. Его отношения с этой курносой хохотушкой стали близкими. Он делился с ней своими писательскими планами на будущее. Смеясь, она целовала его со словами: «милый мой фантазёр». В студенческом общежитии стало известно о готовящейся свадьбе будущего журналиста, подающего надежды, с поварихой из столовой общественного питания. Друзья-«умники», возомнившие себя «без пяти минут знаменитостями», иронично ухмыльнулись: «Кто ты и кто она, ты подумал, Савелий? Разность интеллекта... Отсутствие общности интересов... Откажись, пока не поздно, от свадьбы... Конопагая она... Всё хи-хи, ха-ха... Всем довольна... Нет, Савелий, такая жена тебе не пара...»

Поддался на уговоры приятелей, стал избегать встреч с Танечкой и вовсе покинул её.

– Эх, ты, студент... Таковую девчонку загубил... Пакостник, вот ты кто! – сказала ему при случайной встрече в трамвае кассир столовой тётя Маша. – На халявку жрал, пил, а как дошло до серьёзного, так в кусты. Трус! Она сделала неудачный аборт, и теперь у нашей Танечки никогда не будет детей... Ты искалечил человеку жизнь... Нет тебе прощенья! Отрыгнутся тебе её слёзки! Вот попомнишь меня!

Об этих ненавистных словах женщины, оскорблённой его малодушием, подлым поведением, Савелий вспоминал с горечью. Несколько раз пытался жениться, но все невесты почему-то обманывали его, встречаясь с другими ухажёрами, либо предъявляли претензии на роскошную жизнь, требовали к себе повышенного внимания. После неоднократных встреч с замужними женщинами, мужья которых подолгу пребывали в море, у Савелия сложилось мнение, что все женщины коварные обманщицы, лгуны, продажные шлюхи, готовые изменить мужу за подарки и ласки любовника. Видимо, по этой причине Редькин не обзавёлся семьёй. А может, ему не хотелось терять свободу холостяка и обременять себя домашними хлопотами и заботами. Неудачи в выборе спутника жизни Савелий считал наказанием божьим за подлость к Танечке.

Были и другие грехи, совершённые не по злему умыслу, но по неразумению молодости и глупости безвольного, сумасбродного человека, не отрицавшего Бога, но в сумятице повседневной суеты обходившего стороной церковный храм, не соблюдавшего постов и христианских праздников. Не хочется ему вспоминать кражу меховой куртки с подводной лодки. В тот год они стояли в доке судоремонтного завода. Савелий скребком очищал лёгкий корпус подводки от ржавчины, когда к нему подошёл рабочий в спецовке электросварщика, предложил канистру спирта за меховой альпак. Савелий согласился. Вынес куртку с корабля, поменял на спирт, угостил товарищей. Некоторые из них попали в медсанчасть с отравлением и на гарнизонную гауптвахту.

Во время работы оперуполномоченным уголовного розыска, куда после окончания филфака его сманили однокурсники с юридического, Редькин «по горячим следам» раскрыл угон мотоцикла «Ява» подростком. Мать парнишки расплакалась в кабинете, умоляя товарища «следователя», как назвала она Редькина, не губить её сына, рано оставшегося без отца, погибшего в море. Редькин был обязан возбудить уголовное дело, но сжалился над мальчишкой, не стал рушить его жизнь в самом начале. Он уговорил потерпевшего забрать своё заявление об угоне транспортного средства и не доводить дело до суда. Найдя свою «Яву» в целости, её владелец не возражал.

– Вот всё, что могу... возьмите в благодарность, – робко сунула деньги женщина.

– Да вы что? Как можно? – возмутился Редькин и сглотнул слюну: «Если бы она пирогов принесла или сала шматок... Не отказался бы...» – Он целый день не ел, не выпуская папиросу изо рта. Табачным дымом заглушал голод.

– Извините... Спасибо вам, – уводя сына и пряча деньги в сумочку, сказала женщина.

Через несколько дней Редькин получил денежный перевод... Он уже не помнит сейчас на какую сумму... Денег было немного... Хватило на месяц скромных обедов... Получая деньги от неизвестного человека по фамилии «Иванов», Савелий догадался, кем посланы они. Совесть подсказывала, что нужно вернуть деньги женщине, адрес которой имелся в рабочем блокноте. «Конечно, во взяточничестве меня обвинить нельзя... Бездоказательно...» – убеждал он себя, деньги потратил и не вернул. Так и жгут они его, напоминая о слезах неутешной вдовы, оторвавшей от себя последнюю копейку.

От вида похоронных процессий, гробов, покойников и кладбищенских могил у Савелия дрожали колени, а от траурных мелодий мурашки бегали по телу. Савелий, не задумываясь, пойдёт по стволу дерева, упавшего над пропастью, но мысль о зубном кабинете повергает его в шок. И ещё у литературного сотрудника городской газеты «Бизнес-Козл» Савелия Петровича Редькина нет мужества высказать своё мнение шефу редакции Агафонову. Шеф обещал назначить Савелия Петровича заведующим отделом криминальной хроники и выхлопотать ему комнату гостиного типа в малосемейном общежитии. Возражать редактору не представлялось возможным. Препирательство с ним из-за предъявляемых к печати материалов могут лишить не только карьеры, но даже и ныне занимаемой должности. Трудно сказать, какого из суетных страхов больше всего боялся «литраб» отдела «Криминальная хроника».

По странному стечению обстоятельств все они разом свалились на отважного экстремала. У него опять разболелся давно развалившийся коренной зуб, и перед неминуемой экзекуцией в стоматологии все ранее испытанные опасности казались ему пустячными забавами. Савелий старался не думать о жёстком дерматиновом кресле, в которое его усадит врач, о противно гудящей бормахине, но мысли репортёра всё время крутились вокруг зубного кабинета. С опухшей щекой он притащился в типографию, учтиво поздоровался с миловидной Натальей Борисовной, корректором, и уселся за письменный стол, на котором уже лежали свежие оттиски газетных полос, отпечатанные для сверки с оригиналом. Савелий взял первую страницу и начал её внимательно вычитывать, выискивая возможные ошибки. Во второй половине дня все газетные полосы были готовы к печати, и полиграфисты запустили станки. Первые объёмистые пачки сорокатысячного тиража «Бизнес-Козл» легли на стеллажи типографии. Больной зуб ныл, не давал покоя.

– Чёрт... Просто мочи нет терпеть, – зажимая щёку, нюющим голосом проговорил Савелий.

– Бе-е... Бе-е... – послышалось ему.

– У меня уже в голове шумит... Какие-то бляньня...

– Что вы так мучаете себя, Савелий Петрович? – сочувственно спросила корректор. – Вот, выпейте... Сильно действующее средство против всякой боли.

Наталья Борисовна дала таблетку. Савелий поблагодарил коллегу, проглотил таблетку и запил водой. Боль и в самом деле скоро утихла, словно её и не было никогда. К Савелию вернулось хорошее настроение.

– Но зуб опять заболит... Вам необходимо обратиться к врачу, – сказала Наталья Борисовна.

– Да... Непременно... Вот получу гонорар за публикацию в альманахе и сразу в платную «Дента-сервис» двину...

Он ещё не до конца пришёл в себя после пережитых мучений, как новую порцию адреналина ему выдала телефонная трубка медово-певучим голосом Ираиды Карловны, секретаря в приёмной редактора.

– Савелий Петрович! Вас срочно приглашает к себе Валентин Григорьевич...

«Этого ещё не хватало! Что ему надо?!» – растерянно думал Савелий Петрович, не попадая руками в широкие рукава куртки-«аляски». Вдобавок ко всему, не миновать секретаря в приёмной. Ираида Карловна, незамужняя дородная дама, видная собой, давно положила глаз на неженатого Редькина. Она всякий раз загораживала ему вход в кабинет шефа своими тучными телесами и могучим бюстом.

– Ну, я пошёл... – сказал «литраб» дрогнувшим голосом узника, которого повели на расстрел. – Вы уж тут как-нибудь без меня, Наталья Борисовна... Вот, чёрт...

– Бе-е... Бе-е... – тотчас раздалось возле уха...

Продолжение в следующем номере.